
Бэймин Хайтан
ТЕНИ
ПОД СЕРДЦЕМ
НЕБА

Бэймин Хайтан

Тени под сердцем неба

https://litres.ru/74716562
SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды, в погоне за истиной, один из богов коснулся того, что лежало за пределами мира — и впустил силу абсолютного небытия.

Ценой великой жертвы бессмертные заключили мир в петлю времени, надеясь отыскать спасение. Но каждый цикл заканчивался поражением — и последние из богов — возлюбленные Байсюэ и Юншэн, прошедшие через сотни попыток, — разучились видеть в смертных что-то кроме пешек.

Заклинательница Яохань и её друг детства Цзяньюй невольно становятся частью битвы за судьбу мира. Но Яохань не знает главного: её жизнь с самого начала была предопределена богами. Чтобы разорвать бесконечный круг, ей предстоит ответить на вопрос: кто она — орудие чужой воли или человек, способный выбирать сам?

Содержание

Глава 1. Тайна древнего храма 5
Глава 2. Неожиданные находки 20
Глава 3. Чудовище 30
Глава 4. Богиня 43
Глава 5. «Журавль в тумане» 59
Глава 6. Ожидание 76
Глава 7. Камень, брошенный в стоячую воду 87
Конец ознакомительного фрагмента. 100

Тени под сердцем неба

Глава 1. Тайна древнего храма

— Опоздала, — раздался знакомый голос, едва Чжао Яохань свернула за угол внутреннего дворика. — На пятьдесят три удара сердца.

Под деревом, в тени качающихся ветвей, Лю Цзяньюй, её друг детства, размахивал деревянным мечом. Удары были отточены, как у старшего ученика, хотя сам он таковым пока ещё не числился.

— Это ты просто слишком быстро считаешь, — отозвалась Яохань, присаживаясь на скамью у края площадки. Солнце пробивалось сквозь листву, поигрывая бликами на её тёмных волосах.

— Хочешь позаниматься? — Он бросил ей запасной меч. — Или пришла просто посмотреть на меня? Ну ещё бы, я так хорош!

— И то, и другое, — со смехом сказала она, подхватывая оружие. — А вот насчёт последнего не уверена.

— Сейчас докажу!

Деревянные клинки встретились с лёгким стуком. Пара шагов, обмен ударами — она отступила, он увернулся. Рассмеялся. Не бой, а просто игра.

— Всё как раньше, — бросил Цзяньюй, отступая. — Ты заходишь слева, будто я не помню твою любимую уловку.

— А ты, как всегда, болтаешь во время боя, — отозвалась

она с усмешкой.

После тренировки оба плюхнулись на землю у края площадки. Цзяньюй вытер лоб рукавом и некоторое время молчал, что было на него не похоже.

Он взглянул куда-то в сторону павильонов и вдруг выдал:

— Кстати… Слышал, один торговец нанял наёмников — осмотреть полуразрушенный храм в соседнем уезде. Присоединимся? Глава со старшим учеником уехали, у наставников дел по горло. Никто не заметит, если нас несколько дней не будет.

— Я услышала, что ты хочешь неприятностей.

— А вдруг там секретные техники? Или хоть что-нибудь ценное. Ты же сама говоришь, что терять знания древних — преступление.

— Я говорю это в библиотеке! А не среди руин, где стены могут развалиться от любого чиха.

Цзяньюй расплылся в улыбке, такой заразительной, что Яохань невольно ответила тем же.

— Я пойду в любом случае. Но без тебя будет ску-у-учно, — протянул он.

Яохань помолчала, следя за солнечным лучом на каменистой дорожке. Предложение звучало очень заманчиво. Сколько раз она читала про героев, которые сумели обнаружить забытую технику и стали намного сильнее! Но занятия… Они же за день туда-сюда не сбегают!

Она покосилась на друга.

Разум твердил ей: откажись. Но та его часть, которая отвечала за жажду приключений, уже начала планировать маршрут и придумывать оправдания для наставников.

— Когда выходим?

Глаза Цзяньюя блеснули.

— Вечером. Успеем собрать вещи. Ещё и твои любимые лепёшки по дороге купить.

— Договорились. Но обед ты мне всё равно должен!

***

Храм обнаружили недавно, когда оползень обнажил вход, веками скрытый под толщей камней. Разумеется, охотники за сокровищами не заставили себя ждать. Самые расторопные уже вынесли всё, что лежало на виду. Но место по-прежнему манило: не бывает таких построек без потайных ходов, ловушек и забытых, возможно ценных, артефактов.

Группа наёмников, к которой присоединились и юные заклинатели, вошла через главный вход. Арка устояла, хотя створки ворот давно сгнили, уступив место цепким растениям. В пустых залах гулял ветер, тоскливо завывая между замшелых колонн. От прежнего великолепия остались лишь голые постаменты да полустёртые рисунки на стенах.

— Ого, — Цзяньюй кивнул на пустые ниши. — Даже статуи кто-то унёс?

Ещё по дороге стало понятно, что слаженности в отряде не было. Постоянные споры про то, кто понесёт факелы, как делить находки, если там будет что-то ценное — не всё же

отдавать нанимателю! Яохань надеялась, что внутри они будут вести себя потише. Напрасно.

— Я же сказал, налево идти надо! — рявкнул широкоплечий мужчина. — Оттуда холодом тянет!

— А карта нам для чего? — огрызнулся другой, долговязый.

— Ведёте себя, как торговцы рыбой, — прокомментировал третий.

Кто-то схватился за рукоять меча.

Яохань и Цзяньюй переглянулись. Стоило им сделать шаг в сторону бокового прохода, как прозвучал раздражённый голос:

— Эй, вы двое!

Это был Чжан по прозвищу «Дракон» — говорили, что получил он его за чёрную татуировку на запястье, где божественный зверь свернулся в кольцо, вцепившись зубами в собственный хвост.

— Вы куда собрались? — спросил он, прищурившись. — Мы тут обсуждаем крайне важные вопросы.

— Мы просто хотели осмотреть вон тот коридор, — Яохань изо всех сил старалась говорить вежливо. Ни одного важного вопроса она до сих пор не услышала.

— Девчонка, тут каждый неверный шаг может убить нас всех.

— Господин Чжан, это ведь нас наняли как специалистов по ловушкам, — улыбнулась Яохань, хотя внутри уже кипе-

ла. — Мы с братом доказали, что разбираемся в этом. Поэтому «убить нас всех» тут можете только вы своими криками.

Чжан уставился на неё, явно не ожидая такой дерзости от «девчонки». Его лицо покраснело.

— Ты…

— Господин Чжан! — перебил его долговязый наёмник. — А вы в курсе, что тут может быть проклятие? Я слышал от одного монаха…

— Какое ещё проклятие?!

Спор вспыхнул с новой силой. Чжан раздражённо махнул рукой в сторону заклинателей — мол, проваливайте, — и тут же развернулся к горлопанам:

— Заткнитесь все! Сейчас решим по старшинству.

Яохань не стала дожидаться продолжения. Схватив Цзяньюя за рукав, она быстро шагнула в боковой проход.

— Пошли, пока они заняты.

Цзяньюй сдержал смешок.

— «Убить нас всех своими криками»? Серьёзно?

— А что? Правда же, — Яохань обернулась, убеждаясь, что за ними никто не идёт. Шум спора быстро стих за поворотом. — Бывают же механизмы, которые срабатывают от громких звуков.

Они углубились в коридор. Голоса позади окончательно стихли. Похоже, наёмники так и не заметили, что остались без «специалистов по ловушкам».

Первые сотни шагов не принесли открытий. Было откро-

венно скучно: бесконечные, давящие своей пустотой переходы. Кое-где своды просели, и путь преграждали груды щебня, через которые приходилось перелезать.

Но затем узкий туннель неожиданно привёл в просторный зал. Воздух здесь был плотнее и тяжелее. В нос ударил землистый запах стоячей воды. Цзяньюй опустился на одно колено возле странной зазубрины на полу, затем осторожно провёл пальцами по трещине в каменной плите. Нажимная пластина сработала давно. Это был хороший знак: кто-то уже прошёл здесь до них. Самые грубые механизмы, рассчитанные на жадных и неосторожных, уже разрядились. Но расслабляться было нельзя. За очевидной угрозой часто скрывались «ловушки для вторых» с отложенным действием, которые срабатывали не от первого нажатия или же когда ногу убирали с камня. Но этот зал сюрпризов не преподнёс. Возможно, те, кто строил храм, не особенно задумывались о мародёрах в далёком будущем.

Следующий зал оказался просторнее. Взгляд Яохань сразу зацепился за каменные барельефы вдоль стен — запылённые, но с чёткими линиями, достаточно ясными, чтобы разглядеть детали.

Она провела рукой по ближайшему фрагменту. Пыль поднялась, и фигуры проявились яснее. На первом барельефе изображалась сцена, похожая на ритуал или поклонение какому-то божеству. Аккуратно вырезанные из камня люди — одни смотрели с ужасом и отвращением, кто-то зажмурился.

А у группы по другую сторону от центральной фигуры были завязаны глаза, поэтому их эмоции разобрать оказалось невозможно. При этом «божество» не выглядело страшным. Скорее оно напоминало обычного человека в длинной накидке с капюшоном, скрывающим лицо.

На втором барельефе сцена была уже иной: группа людей, судя по одежде и позам, — учёные, философы или маги, склонившиеся над большим каменным ящиком. Они спорили, жестикулировали, но никто не прикасался к содержимому. Внутри угадывался силуэт человека, будто бы спящего или специально заключённого там.

— Может, решают, стоит ли открывать? — предположил Цзяньюй.

— Если так, то открыли. — Яохань кивнула на третий барельеф.

Тот был сильно повреждён, но кое-что разобрать удалось: та же фигура в капюшоне. И рядом — ещё кто-то, перечёркнутый глубокой трещиной.

Цзяньюй провёл пальцами по сколотому краю.

— Похоже на легенды о древних богах. Только я такой не знаю.

— Слева, кажется, Бог из Пустоты. Люди с завязанными глазами — его сторонники, в летописях что-то такое упоминалось. А вот дальше… не знаю.

— Может, это то, что случилось после его появления? Об этом вроде бы вообще ничего не сохранилось.

— Давай зарисуем. — Яохань кивнула на барельефы. — Поищем потом в библиотеке Школы. Или спросим у старшего брата Су — он в таком разбирается.

Цзяньюй достал клочок бумаги и уголь и склонился над рисунком.

— Хорошо, что есть ты. У меня даже человечки получаются… ну, как черепахи. Или гнилые грибы.

— Это только потому, что ты сравниваешь себя со мной, — не отрываясь от рисунка, усмехнулся Цзяньюй. — А так ты гениальна — в бою. И ещё в подколах.

— А ты — в упрямстве, — парировала она.

Но подумала: не окажись Цзяньюй в Школе Пяти Циклов — стал бы учёным или чиновником. Талант к кропотливой работе у него был с детства. Но такое будущее его не интересовало. Он с гораздо большим удовольствием занимался боевыми искусствами. А также любил исследовать тайны Поднебесной не по книгам, а путешествуя по миру. Он мечтал стать величайшим заклинателем эпохи. Яохань была согласна на второе место, если первое достанется ему.

Девушка сконцентрировала ци на кончиках пальцев и создала небольшую светящуюся сферу, чтобы её спутнику было лучше видно.

Пока он рисовал, она вернулась к повреждённому барельефу. Что-то в нём не давало покоя. Ей очень захотелось разобрать, что именно на нём изображалось. Она дотронулась до фрагмента, от которого хоть что-то осталось, но тут

же отдёрнула руку — камень царапнул кожу, и на подушечке указательного пальца выступила алая капля.

В тишине зала раздался щелчок, чёткий и сухой, как будто от взломанной восковой печати.

Друзья испуганно осмотрелись. Ловушка? Но казалось, что ничего не изменилось: из стен никакие шипы не выскочили, стрелы не полетели, пол не провалился. Странно всё это…

— Ты ведь тоже это слышал? — спросила она Цзяньюя.

— Да. Но откуда был этот звук?

Цзяньюй оторвался от рисунка, когда свет вдруг стал тусклее. Он оглянулся — Яохань перенесла светящуюся сферу ближе к каменной стене и теперь стояла возле неё, нахмурив брови.

— Подожди… — прошептала она, вглядываясь в край барельефа. — Этого… раньше точно не было.

Сбоку, чуть в стороне от трещины, в камне теперь виднелся тонкий выступ, похожий на рычаг. Он выглядел слишком чистым, словно появился только сейчас.

— Цзяньюй… — она инстинктивно отступила на шаг. — Что это?

— Выглядит как механизм. Потайной! Хочешь, нажму?

— Ты нажимай, а я тебя прикрою! — Она подняла ладонь, и пламя в её сфере слегка вспыхнуло. — Если нас убьёт — хотя бы будет красиво.

Цзяньюй усмехнулся и нажал на рычажок.

Сначала ничего не происходило. Но затем с тихим скрежетом нижняя часть стены под барельефами сдвинулась в сторону, обнажая узкий, тёмный проход, в который мог бы протиснуться худощавый человек — или, как заметила Яохань, не слишком благоразумный заклинатель.

Они переглянулись.

— Я первый! — с энтузиазмом выпалил Цзяньюй.

— Лю Цзяньюй, ты либо самый храбрый, либо самый глупый человек из всех, кого я знаю. И я до сих пор не решила, что страшнее, — вздохнула Яохань. — Лезь давай, герой.

Он скорчил рожу, изобразив пафосный поклон, и ловко юркнул в проход. Яохань фыркнула и последовала за ним.

Проход сначала шёл горизонтально, но потом резко нырнул вниз. Цзяньюй споткнулся, а Яохань влетела ему в спину. Друзья не удержались на ногах и, потеряв равновесие, пролетели по нему. И если бы не хорошая реакция и владение ци, то древний храм оказался бы украшен двумя лепёшками из неудачливых заклинателей.

— Ну… — простонал Цзяньюй. — Это было… эффектно.

— Будем считать, что мы просто нашли ещё одну возможность спуска, — отозвалась Яохань. — Ладно, зачем мы сюда полезли, я всё ещё помню. Но вот как отсюда вылезем потом? — С этими словами девушка попыталась отряхнуться, но безуспешно.

— А мне кажется, нам повезло, — ответил Цзяньюй, кряхтя, поднимаясь с пола. Он выглядел не лучше, а то и ху-

же, ведь именно он упал первым.

— Ты называешь это везением?

— Ну подумай! Если никто до сих пор не проник в эту дыру, значит, все сокровища ещё здесь!

— Допустим. Но, знаешь, что? Ты поплатишься за это приключение. Будешь кормить меня обедами месяц.

— Обязательно! А если найдём что-нибудь ценное — я тебя не только обедами буду кормить, но и ужинами! И завтраками! Буду сам готовить и приносить каждое утро!

— Фу, гадость какая! Ты готовить-то не умеешь. Лучше пирожки из той лавки на углу!

Они огляделись. Перед ними тянулся огромный коридор, уходящий вглубь. Камни под ногами были покрыты вековой пылью, ни единого следа — будто никто и никогда не ступал сюда.

Яохань подняла свою светящуюся сферу повыше. Мягкий свет упал на стены, на ступени, ведущие ещё ниже.

— Похоже, у нас нет других путей, — пробормотал Цзяньюй.

— Вперёд — единственный путь, — кивнула Яохань. — Всегда.

Они шагнули к лестнице, но вдруг Цзяньюй остановился, вглядываясь в стену.

— Подожди. Посмотри… Мне кажется, что твой свет больше не нужен.

Она приглушила сияние сферы. В полумраке стало замет-

но, что стены и даже ступени будто бы светились сами по себе. И чем ниже они спускались, тем светлее становилось вокруг.

В конце лестницы их ждало зрелище, от которого перехватило дыхание.

Если наверху храм выглядел заброшенным — пыль, осколки, руины, — то помещение, в которое они попали, было абсолютно чистым и светлым. Создавалось впечатление, что время не коснулось его. Стены были идеально гладкими, отполированными до блеска. В центре стоял огромный полупрозрачный купол, на его поверхности вспыхивали радужные блики, словно от невидимого солнца.

— Если здесь и есть сокровища, то они не в золоте, — прошептала Яохань.

— Само это место — настоящее сокровище, — отозвался Цзяньюй, тоже шёпотом. В такой атмосфере даже говорить громко казалось кощунством.

В помещении не было ничего, кроме этого купола. Но когда друзья подошли ближе, чтобы рассмотреть его, они обнаружили, что внутри кто-то есть.

Под куполом возвышался трон, достойный самых пышных императорских дворцов. На нём восседала девушка.

Сквозь прозрачные стенки виднелся её силуэт.

— Такая красивая, как бессмертная дева из легенд…

Яохань попыталась рассмотреть её получше. Многослойное белое платье с золотыми нитями и самоцветами, достой-

ное древней императрицы. Длинные волосы снежным шёлком стекали по ступеням трона. Кожа цвета белого нефрита словно светилась изнутри. От всей её фигуры исходило ощущение божественности, наполняя зал спокойствием и гармонией. Но глаза её были закрыты.

— Как ты думаешь, она… мертва? — тихо спросила Яохань, и эта мысль почему-то вызвала у неё грусть. Хотя, конечно, никто не мог быть жив в храме, который простоял запертым тысячи лет. Однако место, где они оказались, пусть и находилось где-то в подземельях храма, казалось, не принадлежало этому миру. А потому возможно было всё.

— Она так похожа на небожительницу, — продолжила Яохань. — Но вряд ли жива.

— Может, она тут запечатана? Знаешь, как в легендах: «Не трогай наследие древних богов, если не хочешь, чтобы мир сгорел».

— Мы с тобой уже и так первые в очереди на божественное возмездие!

Цзяньюй фыркнул, и она не удержалась от улыбки.

Яохань осторожно коснулась купола. Он был гладким и тёплым — как чайник со свежим чаем, почему-то подумалось ей. Под пальцами что-то едва уловимо пульсировало. Будто дышало. Яохань испуганно отдёрнула руку. Вряд ли богиня одобрила бы, что кто-то трогает её реликвии.

— Это место и есть настоящее сердце храма, а вовсе не сокровищница с побрякушками, за которыми сюда пришли

наёмники. Всё, что наверху, — только для отвлечения внимания.

Цзяньюй улыбнулся, усаживаясь на пол. Достал бумагу и уголь, начал срочно зарисовывать купол, богиню, трон.

— Хотел бы я, чтобы Учитель это увидел, — пробормотал он. — Он бы дар речи потерял!

Пока друг рисовал, Яохань обошла зал в поисках выхода. Тишина и покой — это прекрасно, но остаться здесь навсегда в её планы не входило. Возвращаться тем же путём? Для заклинателя её уровня это не должно было составить труда. Но одно дело — случайно свалиться, и совсем другое — добровольно лезть в эту пыльную тесную нору. Одна эта мысль вызывала у неё брезгливость. Впрочем, других вариантов, похоже, не было.

Яохань обошла купол — вдруг и здесь скрывались механизмы, как в барельефе наверху. Ничего.

— Придётся возвращаться тем же путём, — она поморщилась, уже представляя, во что превратится одежда и сколько потом её отстирывать.

Цзяньюй не отозвался.

Яохань подошла и тронула его за плечо. Он обмяк и беззвучно осел на пол.

— Лю Цзяньюй? Эй! — она встряхнула его, чувствуя, как внутри поднимается паника. — Не время умирать, ты мне обеды должен!

Никакой реакции. В этот момент она почувствовала, как

силы начинают покидать и её, а веки закрываются сами собой. Она попыталась устоять, но тело больше не слушалось.

Падая, Яохань успела бросить последний взгляд на купол. Глаза богини, сидящей на троне, были открыты.

Глава 2. Неожиданные находки

Чжао Яохань проснулась оттого, что не могла вдохнуть. Закашлялась, чихнула, постепенно приходя в себя. Темнота. Она зажгла светящуюся сферу — и обнаружила, что снова в комнате с барельефами.

Как такое возможно?

Лю Цзяньюй лежал рядом и мирно посапывал, будто ничего не случилось. Яохань толкнула его — он пробормотал что-то невнятное и перевернулся на другой бок.

Она поднялась и подошла к барельефам. Рычажок исчез. Проход тоже. Неужели белая комната, купол, богиня на троне — всего лишь сон?

Яохань поднесла руку к свету. Перед спуском она порезала палец об острый камень — ранка затянулась, но след остался.

Не сон. Тогда что?

— Эй, просыпайся уже! — Она толкнула Цзяньюя уже ощутимее. Раз, другой. Он выругался и открыл глаза.

— Что? Где мы?

Огляделся — и похлопал себя по щекам, проверяя, не спит ли.

— Как?..

— Не знаю, — ответила Яохань на незаданный вопрос.

Если оба видели одно и то же, значит, сном это не было.

— Последнее, что я помню, — это как рисовал, пока ты искала выход. А потом мне очень захотелось спать.

— Рисунок всё ещё у тебя?

Цзяньюй порылся в вещах, вытащил стопку бумаг. Пролистал и покачал головой:

— Только копии барельефов.

— Но ты тоже помнишь? Лестницу, белую комнату, купол, девушку на троне?

— Да… — Он замялся.

— Что?

— Та девушка. Мне показалось, она… не мёртвая. Она на меня посмотрела.

— И на меня, — Яохань передёрнула плечами.

Они обыскали стены, простучали каждый камень — ничего. Проход не желал открываться вновь.

— Сколько мы тут провозились? — Цзяньюй потёр шею.

— Недолго, я думаю. — Яохань прислушалась к себе. Ни голода, ни усталости. — Остальные, наверное, ещё в том коридоре.

— Тогда давай быстро осмотрим эту часть и вернёмся. А то Чжан опять начнёт ворчать, что мы отлыниваем.

Интуиция подсказывала: вернуться в белую комнату не удастся. Но, возможно, это место хранило и другие тайны.

***

— Не знаю, повезло или нет… Вроде что-то интересное, но… — Яохань задумчиво вертела в руках свиток, найден-

ный на уцелевшей полке.

Комната была завалена обломками шкафов и битой керамикой. Когда-то здесь могла быть кухня, кладовая или жильё слуг — теперь не разобрать. Часть потолка обвалилась, перегородив половину помещения.

Слова в свитке напоминали язык Поднебесной, но смысл ускользал — выходила бессмыслица. Особенно смущали дополнительные пометки возле некоторых строк. Создавалось впечатление, что кто-то отмечал важные места. Хотя, возможно, это были просто бесцельные записи на полях, сделанные от скуки.

— Может, это книга рецептов, — пожала плечами Яохань. — Вряд ли что-то ценное стали бы хранить на кухне.

— Если только не хотели спрятать! — Цзяньюй копался в ящике, выгребая мусор и камни. — Лучшее место для тайных документов — на виду. Все думают: рецепты. А там — секретные техники!

— Всё-то тебе секретные техники…

— А зачем ещё мы сюда пришли? Забираем. Глава Хэ разберётся, что за секретный шифр.

Предложение звучало разумно. Глава их Школы коллекционировал древние свитки — если уж он не прочтёт, то никто не сможет. Разве что личный ученик его ещё.

Новые находки оказались не менее любопытными. Но один из свитков был наполовину испорчен, и его содержимое невозможно было разобрать. Второй сохранился отлично, но

вместо текста — портрет. Никаких надписей, ни имени, ни печати художника. Только мужское лицо: благородные черты, пронзительный взгляд. Красив — то ли правда, то ли художник польстил.

— Пришли за техниками, а нашли какую-то картинку, — Цзяньюй мельком глянул на рисунок и вернулся к раскопкам.

Яохань не ответила. Взгляд прилип к портрету — она не могла отвести глаз.

— Здесь душно. Выйду в коридор.

Она торопливо свернула свиток и сунула в сумку.

— Душно? — Цзяньюй удивлённо обернулся, но её уже не было. Пожал плечами и продолжил ворошить обломки.

В коридоре Яохань прислонилась к стене. Камень холодил спину. Сквозь дыру в потолке проглядывало закатное солнце, и пылинки кружились в лучах, как танец снежинок. Она немного понаблюдала за ними, пытаясь отвлечься.

Не вышло. Лицо с портрета не отпускало. Она точно никогда его раньше не видела — но откуда тогда это чувство узнавания? Черты были совершенно незнакомыми, но будто бы она видела кого-то похожего раньше. Портрету сотни лет. Может, дальний предок кого-то из Школы? Такой вариант показался ей логичным, хоть и маловероятным. Вроде бы на брата Су чуть-чуть похож. Надо будет спросить — вдруг родственник!

Она даже хихикнула от этой мысли, представив себе, как

тот удивится, когда увидит.

Друзья давно потеряли счёт времени. Вокруг — ничего интересного, пора было выбираться.

— Кстати, — Цзяньюй стряхнул пыль с рукава и помрачнел, — тебе не кажется, что наёмники ведут себя подозрительно тихо?

Яохань промолчала. Она тоже об этом думала.

— Мы ведь обещали помочь с ловушками, — продолжил он. — А вместо этого…

— Провалились в потайной проход и потеряли их из виду. — Она вздохнула. — Знаю.

Повисла неловкая тишина. Оба понимали: когда выберутся, нужно будет их найти.

— Ловушки, которые попались нам, были простыми, — наконец сказала Яохань. — Может, им тоже повезло.

— Если ловушки простые, то и свитки наши, скорее всего, ерунда. Кто станет прятать ценное за такой защитой?

— Ты же сам говорил: лучшее место — на виду.

— И то верно. — Цзяньюй усмехнулся. — Вот будет весело, если наши непонятные бумажки окажутся ценнее их добычи. Особенно портрет красавчика.

— Завидуешь?

Яохань легонько толкнула его в плечо, и оба рассмеялись.

Обратный путь к выходу из храма оказался на удивление лёгким. Заклинатели не заблудились и не встретили на своём пути новых опасностей. В зале с барельефами они задер-

жались, ещё раз осмотрели стены. Ничего необычного. Всё, что случилось здесь, уже казалось наваждением.

До выхода оставалось совсем немного, когда Цзяньюй резко остановился. Яохань чуть не врезалась ему в спину.

— Что?..

Он молча указал вперёд.

У стены кто-то сидел. Но стоило подойти ближе, тело завалилось набок. Руки неестественно вывернулись при падении.

— Точно труп.

Голос прозвучал ровно, но Яохань заметила, как Цзяньюй сглотнул.

Она и сама вздрогнула. За годы в Школе Пяти Циклов они успели повидать всякое — и трупы нежити, и тела, изуродованные демонической энергией. Мир цзянху жесток — это они знали всегда. Заклинатели гибли на охоте за нечистью и в стычках между кланами. Но привыкнуть так и не вышло. Смерть оставалась смертью.

Вспомнилась девушка в белой комнате — казалась мёртвой, пока не открыла глаза. Но этот… Кровь на стене. Запах разложения. Сомнений в его смерти не было.

— Это же, как его там, «Дракон» Чжан. Он ещё нарывался на драку с тобой, помнишь?

— Думаешь, они нашли что-то ценное и переругались на выходе?

— Похоже на то, — он помрачнел. — И нам стоит быть

осторожнее. А то победители этой стычки могут быть нам не рады.

— Мы просто хотели проверить боковой коридор, а они ушли вперёд. Это было случайно…

— Они-то этого не знают. И мы же потом их не догнали.

Цзяньюй замолчал, разглядывая тело. Потом вдруг спросил:

— Сколько мы здесь? День или чуть больше?

Определить точное время было сложно. Заклинатели могли обходиться без еды несколько дней, голод пока не ощущался. В храм они вошли утром. Когда нашли свитки, был вечер — Яохань точно помнила пыль, танцевавшую в закатных лучах. Скорее всего, сейчас уже ночь.

— Похоже на то.

— Чжана убили не менее десяти дней назад.

Она посмотрела на стену. Кровь почернела. Поверх брызг лёг тонкий слой пыли. Втянула воздух — и уловила слабый запах тлена, какой бывает в старых склепах. И правда было похоже, что прошло много времени.

— Невозможно. Мы вошли вместе. Он был с остальными, когда мы отошли!

— Я тоже это помню.

— Тогда как он оказался здесь — и убитый десять дней назад?!

Ответа не было. Разве что они сами провели здесь куда больше, чем казалось, и просто не заметили. На одном энту-

зиазме, без еды и почти без сна, не считая белой комнаты. Бред какой-то!

А что, если они умерли тогда — войдя в проход за барельефом? Что, если всё это — посмертие? Чужая иллюзия?

Яохань обхватила себя руками. Трусихой она никогда себя не считала. До этого момента.

— Прохладно тут, — пробормотала она, перехватив взгляд Цзяньюя.

Он промолчал. Перевернул тело — и замер.

Грудь и шею пересекали глубокие раны, но взгляд невольно зацепился за кровавый рваный след на месте татуировки, где раньше был запечатлён чёрный дракон, кусающий себя за хвост. Такую рану не могло оставить ни одно известное холодное оружие, даже зазубренный ржавый клинок не разорвал бы плоть так…

Цзяньюй поднялся, отряхивая ладони от пыли и засохшей крови.

— Не похоже даже на бой, — сказал он хрипло. — Он не защищался. Его просто разодрали.

— Кто? — прошептала Яохань. — По пути сюда не было ни зверей, ни призраков. Внутри — только обычные ловушки.

Она оглядела стены. Теперь каждая трещина казалась угрозой. Где-то в глубине упала капля воды — и звук отдался громом в тишине.

— Духовный зверь?

— Может, был здесь всё время. Или… — Цзяньюй осёкся. — Вышел из той же белой комнаты.

Яохань резко обернулась. Мысль о том, что они не одни — что нечто древнее, голодное, проснулось, когда они потревожили храм, — сжала горло.

— Ладно, — сказал он наконец, голос его был твёрже, чем ему хотелось. — Выйдем наружу. Там разберёмся.

***

Пока друзья шли по коридору, Яохань прокручивала в голове события последних дней.

Всё начиналось неплохо. Они не были расхитителями гробниц — по крайней мере, себя так не называли. Золото и реликвии их не интересовали. Только знания. Утерянные свитки, древние техники, забытые пути совершенствования — всё, что могло исчезнуть навсегда, попади оно в руки тех, кто продаст любой артефакт за горсть серебра.

Торговец собрал отряд наёмников — зачистить храм, открывшийся после оползня. Цзяньюй настоял: нужно присоединиться. Представились специалистами по ловушкам. Продемонстрировали навыки, заслужили доверие.

План был прост: пока остальные охотятся за драгоценностями, они незаметно обследуют дальние залы в поисках письменных артефактов. Глава Школы Пяти Циклов коллекционировал древние свитки и любил повторять: «Мир рушится не от недостатка мечей, а от утраченных знаний».

В какой момент всё пошло не так?

Почему тело Чжана у входа? Почему дни пролетели незаметно? Что случилось с остальными — перебили друг друга или их убило нечто другое?

А главное — заметил ли кто-нибудь их исчезновение? Ведь если так, их могли поджидать снаружи.

Глава 3. Чудовище

Как только заклинатели вышли наружу, вопрос с телом Чжана мгновенно потерял значение. Он оказался не единственной жертвой.

Площадку перед храмом, ещё недавно пустую, не считая обломков после оползня, теперь занимали фрагменты тел, разбросанные среди камней, словно кто-то играл и бросил надоевшие игрушки. Утренний свет, мягкий и золотистый, как нарочно, высвечивал каждую деталь. Среди камней торчала человеческая рука, сжимающая обломок клинка. Рядом — три ноги, от разных людей. Всё это напоминало жуткую мозаику, собранную безумцем. Голова лежала у подножия лестницы, глядя в небо пустыми глазами. Кровь успела засохнуть, но зловещие бурые потёки тянулись по камням вниз по склону. Запах разлагающихся тел ударил сразу. Густой и вязкий, он сжимал горло, лип к коже, въедался в одежду. От него невозможно было избавиться, даже зажав нос.

По уцелевшим фрагментам тел и обрывкам одежды сложно было сказать наверняка, но, скорее всего, это всё, что осталось от их отряда. Кому ещё здесь быть?

Яохань первой выхватила оружие. Лезвие вспыхнуло алым, огненная ци заплясала в воздухе. Цзяньюй молча обнажил духовный меч — широкий клинок блеснул зеленью молодой листвы. Он замер, пытаясь уловить хоть что-то: от-

голосок чужой энергии, скрытую угрозу.

— Ты что-нибудь заметил?.. — прошептала Яохань, не отрывая взгляда от искалеченных тел. — Я не ощущаю опасности…

— Ничего, — тихо ответил Цзяньюй.

Нечто убило десяток человек — быстро, почти одновременно. И исчезло.

Тени от камней казались когтями. Каждый звук — шорохом подкрадывающейся твари.

Заклинатели осторожно двинулись вперёд, ступая по земле, усеянной тем, что когда-то было их спутниками. Рассматривать было необязательно: следы бойни были повсюду.

— Это… не дело рук… лап… обычного зверя, — сказал Цзяньюй. — Они все были хорошими бойцами, все опытные наёмники. Даже тигру не по зубам двое таких, не говоря уж о шестерых.

— Тогда духовный зверь? — пробормотала Яохань. — Но где тогда следы его ци?

Цзяньюй сжал рукоять меча сильнее.

Заклинатели дошли до середины площадки. В груди тяжело сдавливало от ощущения, что кто-то или что-то наблюдает.

Они оба подумали одно и то же, но вслух это произнёс только Цзяньюй:

— Нужно быстрее уходить.

Яохань кивнула, но, когда обвела взглядом площадку, её

губы сжались в тонкую линию.

— Цзяньюй… — тихо сказала она. — Мы не можем просто уйти. Пусть мы их не очень хорошо знали, но всё же они были нашими спутниками.

— Я не хочу спорить насчёт уважения к мёртвым, но… — он обвёл окрестности рукой. — Здесь могло остаться то, что всё это устроило. Я не хочу, чтобы мы к ним присоединились.

— Я тоже этого боюсь. Но если мы вот так уйдём — это будет неправильно.

Цзяньюй провёл ладонью по лицу и тяжело вздохнул.

— Ладно, — буркнул он. — Но давай сделаем это быстро. И при малейшей опасности я предлагаю сразу бежать.

Яохань не стала спорить.

Перед тем как начать собирать тела, Цзяньюй порылся в сумке и достал свёрток с травами. Развязав грубую бечёвку, он извлёк несколько светлых корешков ледяной орхидеи.

— Как предусмотрительно. Не ожидала от тебя.

— Я помню, что у тебя иногда голова кружится от духоты. Вот и прихватил. Не думал, что нам пригодится для такого, но это может запах перебить…

Цзяньюй раздавил корешки между ладонями и втёр получившуюся крошку в два кусочка плотной ткани.

— Держи, — сказал он, протягивая один Яохань. — Это должно хотя бы чуть-чуть помочь.

Они закрыли тканью нос и рот.

— Воняет, как в сундуке у лекаря, — пробормотала Яохань и чихнула.

Сладко-тухлый смрад, поднимающийся от мяса, уже тронутого первыми признаками разложения, пробивался даже сквозь резкий аромат травы. Цзяньюй зажал повязку рукой поверх, словно пытался заблокировать запах физически.

— Ничего, — выдавил он. — Просто… давай не думать о том, что это руки и ноги людей. Думай о камнях. Камни не пахнут.

— Замечательный совет…

Они работали быстро — почти механически, чтобы не позволить себе задуматься о подробностях.

Раз-два — поднять.

Раз-два — переложить.

От каждого хруста камней под ногами оба вздрагивали и резко оборачивались. Но никто на них не нападал.

— Слушай, — хмуро сказал Цзяньюй, поднимая кусок нагрудного доспеха, чтобы вытащить из-под него чью-то руку, — если это не звери… то что?

— Не знаю, — ответила Яохань. — Может, им кто-то отомстить хотел. Или тут какой-нибудь одержимый безумец бродит, и мы будем следующими…

— Спасибо тебе большое. Именно это я и хотел услышать.

— Извини, — смущённо улыбнулась она. — Хочешь, я скажу, что они просто споткнулись и неудачно упали?

— Сейчас ты издеваешься.

— Да. Немного.

Несмотря на шутки, руки у обоих дрожали. Постепенно в центре площадки росла страшная горка.

Когда друзья закончили собирать останки, Яохань призвала пламя. Оно быстро охватило гору тел.

— Покойтесь с миром, — тихо сказал Цзяньюй. — Вы не заслужили такого страшного конца.

Яохань кивнула.

Они стояли рядом, молча глядя, как огонь поднимается всё выше, и только когда погребальный костёр начал угасать, позволили себе выдохнуть.

— Ладно, — сказал Цзяньюй. — Сожгли. Теперь точно уходим?

Яохань медленно оглянулась на темнеющий вход в храм.

— Уходим.

***

Спуск с горы оказался тяжелее, чем подъём. Накопленная усталость навалилась разом, и тишина давила: никаких грубых шуточек, ругани и споров. Теперь их было всего двое. Оба молчали, каждый уставившись в тропу, каждый в своих мыслях.

Храм с его тайнами и мертвецами остался позади. А впереди — только обыкновенный, привычный лес. И всё же сейчас даже лес казался чужим.

Они до сих пор не встретили никакой опасности. И именно это пугало.

— Если бы существо всё ещё было рядом, мы бы почувствовали его, — сказал Цзяньюй, но это прозвучало неуверенно.

— А если оно знает, как прятать свою ауру? — отозвалась Яохань, не оборачиваясь.

Он не ответил. О тварях, способных прятать свою ауру, рассказывали страшилки детям на ночь, чтобы не убегали далеко от дома. Но во время обучения в Школе заклинателей выяснилось, что это были вовсе не сказки.

У подножия горы лес обнял их привычным шелестом листвы. Почва под ногами стала мягче. Солнце пробивалось сквозь кроны тёплыми пятнами света. Где-то неподалёку щебетали птицы. Всё выглядело нормально, как и до восхождения на гору.

Цзяньюй почувствовал, как напряжение понемногу отпускает.

— Скоро будем у тракта, — сказала Яохань. — Нам давно пора домой. Да и наставникам будет интересно взглянуть на свитки.

Домой — прозвучало очень заманчиво, хотя Цзяньюй тут же вспомнил о несделанном домашнем задании, за которое точно влетит.

Но не успели они пройти и десяти шагов по тропе, как он резко остановился.

— Слышишь? — он вскинул руку. — Кто-то плачет. Ребёнок?

Прислушавшись, Яохань кивнула. Плач был тихим, но настойчивым, и доносился из густых зарослей. Заклинатели переглянулись.

— Ловушка? — одними губами спросила Яохань.

— Может быть, — Цзяньюй нахмурился. — Лисы-оборотни любят такие штуки.

Но плач не прекращался. Настоящий или нет, оставить без внимания его было невозможно.

— Мы не можем уйти, не проверив, — Яохань шагнула в сторону звука. — Если там и правда ребёнок…

Цзяньюй вздохнул и призвал духовный меч. В лесу его стихия была сильна — корни, мох, древесный сок. Он почувствовал, как ци отзывается под кожей. Но это не успокаивало.

Продравшись сквозь кусты, они вышли к поляне у большого дерева. И увидели его.

Мальчик. Совсем крошечный — лет пяти, не больше. Сидел, поджав ноги, и прижимал к груди какую-то тряпку. Лицо было залито слезами, веки распухли, губы дрожали. Он поднял голову — и их взгляды встретились.

— Мама?..

Голос сорвался. Всхлип, и снова рыдания.

Цзяньюй тут же спрятал меч за спину — пусть останется наготове, но не на виду. Это всего лишь ребёнок.

Или нет? После случившегося в храме подвох чудился повсюду. Одинокий малыш посреди леса, живой и невреди-

мый?

Цзяньюй незаметно скользнул рукой к поясу и нащупал защитный талисман. Сжал бумагу в пальцах, мысленно активируя — при малейшем присутствии демонической энергии она должна была нагреться.

Ничего.

Талисман остался холодным.

Цзяньюй нахмурился, покосившись на малыша. Тот продолжал всхлипывать, утирая нос рукавом. Обычный испуганный ребёнок.

Яохань осторожно приблизилась, опускаясь на корточки в нескольких шагах от мальчика — достаточно близко, чтобы не напугать, достаточно далеко, чтобы успеть среагировать, если это оборотень.

— Не бойся. Всё хорошо. — Она говорила мягко, как старшая сестра. Но Цзяньюй видел, как напряжены её плечи, как взгляд настороженно скользит по фигурке ребёнка: она тоже не была уверена в его природе.

— Как тебя зовут?

Мальчик испуганно икнул.

— Ч-ж-жи… — выдавил он. — Я… я потерялся…

— Меня зовут Чжао Яохань. А это — Лю Цзяньюй. Мы заклинатели. Мы поможем тебе.

Цзяньюй незаметно шагнул в сторону, пытаясь рассмотреть мальчика с другого угла. Демонических лисьих хвостов не оказалось. На руках не было видно когтей. Уши нормаль-

ной формы. Обычный мальчишка, насмерть перепуганный.

Он поймал взгляд Яохань и качнул головой. Девушка чуть расслабила плечи.

— Вы… вы поможете найти маму? — мальчик шмыгнул носом. — Сестричка Чжао? Братик Лю?

— Конечно, — Яохань протянула ему руку. — Ты помнишь, куда она пошла?

Чжи, не раздумывая, указал пальцем в сторону горы.

Той самой горы, откуда они только что пришли. Где не осталось ничего, кроме следов резни.

Яохань вздрогнула. Цзяньюй почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он слегка нахмурился — та же мысль посетила и его. Тревога усилилась. Но мальчик стоял спокойно, крепко сжимая ладонь Яохань. Ни демонической силы, ни ощущения притворства.

— Постой-ка, — Цзяньюй присел рядом, внимательно разглядывая ребёнка. — Чжи, да? А как давно ты здесь?

— Не знаю… Долго. Я устал ждать…

— И ты не боялся один в лесу? Тут же звери водятся.

— Боялся, — Чжи кивнул, прижимая тряпку крепче. — Но мама сказала ждать. Она сказала, что скоро вернётся… Соберёт какие-то травы и сразу вернётся!

— Ты уверен, что мама пошла именно туда? — спросила Яохань осторожно. — Мы только что были на той горе. Там никого не было.

— Да! Я сначала пошёл за мамой. Она сказала «стой тут»,

но мне страшно было одному! Я шёл за ней далеко-далеко, а потом она куда-то делась. Я её искал-искал, но не нашёл. И вернулся в лес, потому что мама же сказала тут ждать…

Цзяньюй снова сжал талисман. И снова никакой реакции.

Юноша медленно выпрямился, обменявшись с Яохань долгим взглядом.

— Хорошо, — сказала девушка. — Давай поищем её вместе. Но ты должен держаться рядом с нами, понял? Не отходи ни на шаг.

— Понял!

Яохань крепко сжала маленькую ладошку Чжи, и они двинулись первыми. Цзяньюй последовал за ними; его взгляд скользил по зарослям, а уши ловили каждый шорох — нет ли опасности.

Чжи повёл их не по знакомой тропе, по которой они спускались с горы, а куда-то в сторону. Не к храму. Возможно, мать мальчика и правда забрела в эту глушь в поисках редких трав.

Деревья становились всё реже, уступая место голым камням. Но мальчик уверенно шагал вперёд. Он твердил, что видел, как мама уходила именно сюда. Точно-точно не ошибся!

Тем временем солнце начало сползать за горизонт. Закатные лучи окрасили пики гор в яркие медно-рыжие и багровые тона.

— Я устал… — протянул Чжи, замедляя шаг. — Больше не могу идти.

Цзяньюй окинул взглядом местность. Здесь, на открытом каменистом плато врагу попросту негде было спрятаться. Ни деревьев, ни густого кустарника, разве что россыпь валунов. Но не таких больших, чтобы за ними можно было устроить засаду. А вот от ветра укрыться — они вполне подходили. Если мать мальчика будет возвращаться этой дорогой, то они сразу её увидят. Можно было расположиться в относительной безопасности.

— Хорошо, — отозвалась Яохань, видя, как тяжело дышит ребёнок. — Отдохнём немного. Ты, наверное, проголодался?

— Очень! — с восторженной искренностью отозвался мальчик и тут же плюхнулся на землю.

Яохань порылась в сумке и достала свёрток с вяленым мясом. Цзяньюй устроился рядом, прислонившись спиной к валуну. Камень ещё хранил дневное тепло, которое ощущалось сквозь одежду. Было даже приятно так расслабиться. Мышцы гудели после долгого спуска с горы и сбора тел на вершине. Бррр… Вспоминать об этом вообще не хотелось.

Чжи между тем достал откуда-то медную монетку и принялся подбрасывать её вверх. Поймал, снова подбросил. Увлечённо следил, как она вращается в воздухе.

— Чжи, иди сюда, — позвала Яохань. — Поешь с нами.

— Сейчас!

Монетка выскользнула из пальцев Чжи и покатилась в сторону. Он тут же вскочил и бросился за ней.

— Не убегай далеко, — предупредила Яохань, но мальчик не ответил.

Пока он искал монетку среди камней, его тень, вытянутая и дрожащая в лучах заходящего солнца, следовала за каждым его движением, пока на мгновение не задержалась на месте, и когда мальчик наклонился за монетой, сделала шаг в сторону.

Цзяньюй в тот же миг вскрикнул:

— Осторожно!

Но было поздно.

Тень сорвалась с места и метнулась к заклинательнице, вытянувшись в острый, ломаный силуэт. В этот же момент тело Чжи обмякло. Он упал лицом вниз, прижав к груди кулачок с монеткой.

Яохань среагировала первой — её меч вспыхнул пламенем, рассекая воздух огненной дугой. Но тень уже была рядом. Удар был силён настолько, что отбросил её назад. Цзяньюй услышал сдавленный крик.

Внутри всё оборвалось.

— Яохань! — юноша рванул вперёд, но ноги словно увязли в песке. Расстояние в несколько шагов показалось бесконечным.

Громкий, неестественный вой, как будто одновременно плач и смех, эхом разнёсся по каменистой равнине. Тень начала расти. Расползаться во все стороны, уплотняясь, тяжелея, словно сама ночь обретала плоть. Из этого сгустка тьмы

поднялся зверь. Девять голов. Каждая смотрела в свою сторону, и Цзяньюй почувствовал, как несколько пар светящихся глаз уставились прямо на него. Девять хвостов хлестнули воздух. Чёрная шерсть поглощала последние лучи заходящего солнца.

— Вот, кажется, и ответ, кто убил наёмников… — пробормотал Цзяньюй. Во рту пересохло.

Мы умрём. А никто в Школе не знает, где мы.

Зверь сделал шаг — и земля содрогнулась под его тяжестью, со склонов посыпались мелкие камни. Пасти разверзлись одновременно, обнажая ряды неровных клыков — клац… клац! Клац! Густая слюна капнула на камни, оставив там чёрный пенящийся след.

— Сестричка Чжао, братик Лю, — сказал он голосом маленького Чжи. Голосом, который теперь звучал так жутко, будто раздавался из самой глубины бездны изначального хаоса.

— Я очень… проголодался.

Пауза.

Оскал.

— Заклинатели вкусные.

Глава 4. Богиня

— Мы не справимся с ним. Надо бежать, — крикнула Яохань.

Чудовище оскалилось, будто усмехнулось в ответ на такое предложение. Мгновением позже всё тело зверя напряглось: хвосты хлестнули по земле, как девять плетей, разметав гальку и камни. Пыль ещё висела в воздухе, когда он рванул вперёд.

На свете стало бы уже двумя заклинателями меньше, не успей Цзяньюй поставить барьер. Но здесь, на голой, каменистой равнине, без леса и листвы, возможности Цзяньюя были ограничены. Энергию земли он едва чувствовал, растительности не было — приходилось черпать силу лишь из собственных резервов. Один удар он выдержал. Хватит ли на второй?

Теперь стало ясно, что монстр заманил их сюда намеренно. Здесь — его территория. Он был умён: дерево питает огонь, а потому в лесу как Цзяньюй, так и Яохань были сильнее, потому что могли полагаться на энергию, пропитывающую растения вокруг них. А здесь, где были только голые камни, удобно сражаться было бы разве что заклинателю стихии земли. И напавшее существо прекрасно это понимало. Духовный зверь высочайшего уровня.

Девять зубастых пастей клацнули над ними в предвкуше-

нии пира. Торопиться ему было незачем — молодые заклинатели долго не продержатся.

— На счёт три — снимай барьер и бежим в разные стороны! За обоими он не погонится! — резко сказала Яохань.

— Но и убежать сможет только один…

— И что ты предлагаешь? Умереть вместе? Так хотя бы у одного из нас есть шанс выжить, — отрезала она. — Действуем!

Цзяньюй открыл рот, но тут же закрыл. Возразить было нечего.

— Один… два… три!

Сейчас оставалось только бежать.

Барьер, поставленный Цзяньюем, выдержал только ещё один удар. В тот же миг оба рванули в разные стороны, отбросив страх и сомнения.

Куда — неважно, главное вперёд, бежать, подальше отсюда. И, возможно, кому-то из них повезёт… Надо просто бежать не оглядываясь!

А там, может, удастся найти помощь… Но оба понимали, что, даже если по воле случая удастся встретить сильного заклинателя, надо ещё успеть его привести. Картина растерзанных тел перед храмом всё ещё стояла перед глазами, как бы намекая, что успеть можно будет лишь к такому же итогу.

Зверь мотнул всеми девятью головами сначала в одну сторону, потом в другую, выбирая жертву. Как только исчез барьер, он резко прыгнул, оставив в земле глубокие борозды

от когтей.

Цзяньюй бежал и повторял себе: «Только не оглядывайся, только не оглядывайся». Если зверь погнался за ним — оглянувшись, можно потерять время и погибнуть. А если за Яохань… Даже вернувшись, он не сможет ей помочь.

В голове вспыхнули воспоминания событий, которые привели их сюда.

Как он мог быть таким безрассудным? Как он посмел вовлечь Яохань в это опасное приключение?

«Если бы я только не настоял на этом, — подумал он, стиснув зубы. — Она не должна была оказаться здесь, в этом прóклятом месте, это была моя идея… Хорошо бы зверь побежал за мной, поделом мне будет».

Внутренний голос прошептал: «Оглянись». И он оглянулся.

Мир разом потерял все краски. Сердце замерло, а затем взорвалось, забилось с бешеной скоростью. Страх, отчаяние, ярость затуманили зрение. Он увидел, как тело подруги отшвырнуло в сторону мощным ударом, как оно рухнуло на камни, безвольное. Пылающий меч вылетел из её руки, погас, звякнув о булыжник.

Нет, только не это… Нет… нет… Нет!!

Время замедлилось и сжалось до одной точки.

На волне неконтролируемой ярости, совершенно не думая о последствиях, Цзяньюй развернулся и бросился на зверя.

Они с Яохань были неразлучны с самого детства. Вме-

сте они приняли решение стать заклинателями и поступили в Школу Пяти Циклов. Яохань всегда была рядом — поддерживала в трудные минуты, соглашалась с его безумными идеями. Она искренне радовалась его успехам, а он — её. Её присутствие казалось чем-то естественным, словно она была рядом с ним всегда и всегда будет рядом.

Когда она смеялась, держа чашку травяного чая в грязных пальцах после тренировок, он думал, что другого такого упрямого, живого человека нет во всём мире.

Она не хотела исследовать этот храм, но он уговорил её.

Теперь она лежала неподвижно… под когтистой лапой духовного зверя, силой многократно превосходившего их обоих. А Цзяньюй ничем не мог ей помочь. Разве что погибнуть вместе с ней.

Они мечтали стать знаменитыми заклинателями и достичь Небесного уровня, но теперь их история закончится здесь…

Цзяньюй вложил всю оставшуюся силу в удар, но меч отскочил, как если бы натолкнулся на камень, а не на шкуру зверя.

Один взмах хвоста — и юношу швырнуло на землю. Он попытался подняться, но ноги отказывались слушаться. Изо рта потекла кровь.

Хищник, похоже, утратил интерес к потерявшей сознание девушке и обернулся к Цзяньюю.

Это и правда конец…

Внезапно чудовище взвыло. Но это не было похоже на победный рык — вой от боли. Все девять голов взметнулись к небесам, зрачки сузились, пасти распахнулись.

Воздух содрогнулся. Откуда-то сверху прозвучал голос:

— Никто не смеет вмешиваться в мой план!

Цзяньюй поднял взгляд — и зажмурился, ослеплённый сиянием. Тысячи клинков из чистого льда обрушились с небес. Они легко пронзали шкуру зверя, которую его меч не мог даже поцарапать. Девять голов взвились в панике, но каждое движение встречало новый клинок. В глаз. В пасть. В горло. Снова. И снова.

Зверь уже не ревел — корчился в беззвучной агонии. Головы мотались из стороны в сторону, ища невидимого врага, но каждый раз натыкались на ледяные жала. Когти драли землю, хвосты били по камням. Но ни один удар не находил цели.

Движения хищника становились всё более хаотичными. Он слабел.

«Вот так… Погнался за лёгкой добычей, но сам стал жертвой хладнокровной казни», — не без злорадства подумал Цзяньюй.

Воспользовавшись тем, что зверю было уже не до него, он подполз ближе к Яохань. Пальцы скользили по камням, оставляя кровавые следы — он не чувствовал боли, не замечал ран. Важна была только она.

Яохань лежала на боку. Глаза закрыты.

Цзяньюй дотянулся до её запястья дрожащими пальцами. Искал пульс — ничего.

Сердце ухнуло вниз.

Лучше бы зверь выбрал меня…

Он попробовал снова, прижал пальцы сильнее, сместил руку… ещё немного… пока не обнаружил едва различимый толчок, такой слабый, что чуть было не принял его за собственную дрожь.

Жива. Она жива. Пока жива.

Но надолго ли? Он слышал, как хрустнули кости от того удара… После такого не выживают…

Он уже немного научился ускорять восстановление, залечивать раны. Но не такие.

Прости… Прости меня, Яохань. Это всё из-за меня…

***

Тело зверя вздрогнуло в последний раз — и замерло. Лёд, покрывший его шкуру, пошёл тонкими трещинами. Миг — и всё существо, только что олицетворявшее ярость и разрушение, рассыпалось сверкающей пылью. Не осталось ни крови, ни плоти — лишь холодный блеск в воздухе, тающий в вечернем свете.

Кто мог быть настолько силён, чтобы одолеть этого зверя? Как минимум Великий Мастер. Или даже Бессмертный! Только откуда в этой глуши такой?

Цзяньюй вскинул голову к небу, где ещё мерцали искры рассыпавшихся ледяных клинков.

Она возникла перед ним, как образ из сна, внезапно ставший реальностью.

Богиня — иначе он не мог её назвать.

Фигура казалась окутанной сиянием — словно сотканная из дыхания высших миров. Белоснежные одежды струились водопадом лунного шёлка. Серебристые волосы напомнили ему застывший дым, обретший форму волн. А в золотистых глазах он увидел слишком много света для живого существа.

Духовный зверь был опасен. Но эта хрупкая с виду незнакомка, понял Цзяньюй, куда страшнее — достаточно вспомнить, с какой лёгкостью она расправилась с чудовищем.

Он замер, всматриваясь в черты её лица. Память подсказала — он точно видел её раньше. В храме. Под куполом. На троне. Тогда они с Яохань ещё гадали, жива ли она, и решили, что вряд ли.

И теперь она стояла перед ним.

— Б-богиня…

Он инстинктивно встал на колени, ведь дерзостью было бы стоять перед ней!

— Поднимись, — произнесла она.

Голос не требовал, не просил — он просто был. Сопротивляться ему было всё равно что пытаться не дышать.

Цзяньюй поднялся, пошатываясь, и позволил ей коснуться его груди. Он почувствовал, как свет растекается по всему телу. Боль ушла.

— Спасибо… — прошептал он. И тут же — словно оч-

нувшись: — Яохань!

Богиня уже тоже смотрела на девушку. Её взгляд стал серьёзнее. И в следующий миг она склонилась над ней.

Цзяньюй с трудом держался на ногах от усталости и от страха. Он должен был верить, что Яохань выживет. Если кто-то в этом мире и мог спасти её, то это была богиня. Она только что уничтожила девятиголового зверя как бумажный фонарик.

— Госпожа… Богиня… — голос дрожал. — Вы… можете ей помочь? — Цзяньюй не знал, как обращаться к богам, ведь он впервые встретил кого-то подобного, поэтому решил держаться предельно почтительно.

Богиня не ответила сразу. На её лице не отражалось ни жалости, ни гнева. Она смотрела на Яохань, как смотрят на мошку, застывшую в янтаре.

— Её жизнь… — произнесла она тихо, но отчётливо, чтобы не осталось сомнений, — …принадлежит мне. Никто не смеет препятствовать замыслу.

Это было не простое «я помогу» — ей зачем-то нужна была Яохань. Но уточнять Цзяньюй побоялся.

Богиня положила ладонь на лоб раненой, нежное сияние окутало их обеих.

Цзяньюй молчал. Колени подкосились, он снова опустился на землю рядом, не отрывая взгляда от лица подруги.

Наконец едва уловимое дыхание Яохань выровнялось, стало глубоким. Цвет вернулся к щекам, проступил лёгкий

румянец. Она выглядела умиротворённой — словно просто спала.

Богиня отстранилась, и в золотистых глазах мелькнуло что-то похожее на усталость.

— Можешь называть меня Байсюэ, — сказала она негромко.

— Спасибо… спасибо… — бормотал Цзяньюй, всё ещё не веря, что они живы. Его голос дрожал — от волнения, усталости и охватившего облегчения. — Госпожа Байсюэ… если бы не вы… Просите что угодно. Я… я сделаю всё.

— Позже, — спокойно отозвалась она.

Голос Байсюэ звучал просто и ровно, но в нём было что-то странное. Цзяньюй отметил про себя, что она говорит коротко, будто каждое слово требует усилий. Может, это не её родной язык? А может, богам вообще не нужны слова. Те, кто слагал о них легенды, вряд ли задумывались о таких мелочах — вроде того, как бессмертные общались, — ведь гораздо интереснее рассказывать про чудеса, а не про быт.

Хотя, если подумать, а были ли все те легенды правдой? Цзяньюй вырос на них, как и все дети в империи. Пусть имена богов никогда не были известны, но они оберегали мир смертных — в это верили все. А вот почему они перестали появляться среди людей — тут мнения расходились. Жрецы говорили, что смертные стали недостойны прямого общения с небожителями. А может, им просто надоело, и они решили отдохнуть. Так или иначе, богам продолжали молиться и

оставлять подношения. Цзяньюй даже сомневался, что боги существуют, хоть исправно следовал ритуалам.

До сегодняшнего дня боги существовали для него только в виде каменных статуй и ярких рисунков, где красивые небожители парили в облаках… А теперь одна из них стояла перед ним, и он понятия не имел, как себя вести!

И ведь рисунки не врали. Байсюэ была настоящей красавицей. На узком лице с высокими скулами ярко выделялись глаза с чуть приподнятыми внешними уголками, в которых плескалось жидкое золото. Ни у кого из людей Цзяньюй такого цвета глаз не видел.

Он так бы и продолжал таращиться на неё и засыпал бы вопросами, будь момент другим. Но рядом лежала Яохань, всё ещё без сознания, и всё остальное казалось не таким важным. Главное сейчас — попросить богиню о помощи. Сделать всё, чтобы она не отказала. И чтобы Яохань очнулась…

— Ты, — вдруг произнесла Байсюэ. — Умеешь управлять повозкой?

— Что?.. Да, конечно. Если найдётся повозка… Я могу сбегать в город и пригнать…

— Долго, — отрезала она, обвела взглядом пустынную равнину.

Вокруг — только пыль, камни и земля, исполосованная когтями поверженного зверя. Ни дороги, ни надежды на транспорт.

Цзяньюй не успел даже понять, что она собирается делать.

Она махнула рукой. Воздух перед ней задрожал, и возникла повозка. Резные дверцы из красного сандала, инкрустации из зелёного нефрита и жемчуга, изогнутые линии крыши, как у императорского дворца. Тонкие шторки из светлого полупрозрачного шёлка. Лошадь перед упряжью — высоченная, с густой гривой цвета осенних листьев, спокойно помахивала хвостом, будто стояла здесь всегда.

Цзяньюй уставился на это великолепие разинув рот. Он даже ущипнул себя.

Первое, чему учили заклинателей: ци — инструмент, а не источник силы. Умение управлять ей позволяло делать многое: укрепить тело, не нуждаться в еде и сне какое-то время, использовать в бою элементы стихий. Так что поднять защитный барьер из корней деревьев Цзяньюй мог без труда. Но создать лошадь? Ни один заклинатель, даже достигший высших ступеней совершенствования, не был способен сотворить нечто материальное, а уж тем более живое, из ничего. А Байсюэ просто взяла и создала! Какого же уровня эта техника?!

— Это… это же… — он сглотнул. — Госпожа, в таком экипаже… нас заметит весь город. Даже министр не ездит в такой роскоши! Разве что сам император…

Байсюэ, не изменившись в лице, слегка наклонила голову:

— Внимание… нежелательно.

Снова взмах руки.

Экипаж тут же изменился, как будто вся прежняя форма

сползла с него — теперь он выглядел всё ещё добротным, но абсолютно обыкновенным, с широкими колёсами, окованными железом — не развалится на горных тропах. Из резьбы остались только лёгкие узоры, инкрустации потускнели до бронзы, а ткань шторок стала плотнее и темнее. Лошадь — приземистая гнедая, с виду очень сильная, но кроме этого ничем особенным не выделяющаяся.

Цзяньюй выдохнул с облегчением. И даже немного позавидовал. Любая мощная техника стоила заклинателю сил, концентрации, а порой и здоровья. Байсюэ же, казалось, не прилагала усилий вовсе, будто мир сам подстроился под её желания.

— Эта подойдёт.

Он бросил короткий взгляд на Яохань. Та всё ещё не просыпалась, но теперь, по крайней мере, у них был способ увезти её в безопасное место. Какая разница, каким способом — обычным или таким вот чудесным.

И всё же в глубине души он чуть-чуть пожалел, что не прокатился в той, первой, повозке хоть раз как император. Когда ещё доведётся испытать такое… Но сейчас было не лучшее время для исполнения таких мелких эгоистичных желаний.

Он всё ещё переваривал увиденное, когда Байсюэ вдруг прищурилась и покачала головой, словно в ответ на какую-то свою мысль. Провела ладонью по шее — мягко, как если бы стряхивала пыль с платья.

Её облик начал меняться.

Сияние померкло. Великолепное, почти невесомое платье, которое выглядело как будто сотканное из лунного света, стало плотнее, материальнее, золотистого оттенка. На плечи легла тонкая шаль цвета янтаря. Волосы, сиявшие, как роса на морозе, поднялись в сложную причёску, украшенную шпильками.

Последней деталью стала широкополая соломенная шляпа с вуалью. Лицо богини — безупречное, прекрасное — теперь пряталось в полутени, и только глаза всё ещё были слишком золотыми, чтобы принадлежать смертной, но по крайней мере стали похожи на человеческие, просто светлее обычного.

Теперь она выглядела как странствующая аристократка. Красивая и чужая, но не настолько, чтобы привлекать внимание на улицах.

Цзяньюй сглотнул. Язык чесался спросить, как она это сделала. Существовали, конечно, талисманы, способные преобразить внешность владельца на некоторое время. Но он ясно видел, что талисманами Байсюэ не пользовалась. И это не было похоже на чары, сквозь которые опытный заклинатель мог бы увидеть истинный облик. Она действительно изменилась.

И всё же он молчал. До тех пор, пока они не отправились в путь.

Он управлял экипажем, сидя впереди. Байсюэ сидела внутри рядом с Яохань, та всё ещё не просыпалась, и её ды-

хание было тихим, как шелест страниц.

Наконец Цзяньюй не выдержал. Слишком уж много вопросов!

— Простите… госпожа Байсюэ… — начал он осторожно, не оборачиваясь. — Что это была за техника? То, как вы изменили… всё. Повозку. Себя.

Ответом было молчание. Он уже подумал, что спросил что-то неподобающее, и успел испугаться, когда услышал её голос:

— Это не техника.

— Тогда что?..

— Истинная магия.

У Цзяньюя перехватило дыхание.

Он слышал об этом. Сказки, мифы. Магия, которой владеют только небожители.

— А… этому можно научиться? — спросил он, не сдержавшись, голос дрогнул от надежды.

Байсюэ не сразу ответила. А когда заговорила, в её голосе впервые появилась нежность. И печаль.

— Нет. Не для людей. Ци — как камень, из которого можно строить стены. А Истинная магия — это земля под этим камнем. Воздух. Вода. Она просто есть.

— То есть… — он помедлил, — никто из людей не сможет?

— Некоторые пытались. Но нет. Истинной магией могут владеть только боги.

Кажется, впервые с момента их встречи Байсюэ заговорила по-настоящему. Не короткими, отрывистыми фразами и приказами. И похоже, сейчас она была в настроении поговорить, чем Цзяньюй сразу же воспользовался. Прямо сейчас рядом с ним сидела богиня. Такую возможность упустить было бы преступлением. Он прокашлялся и, собравшись с духом, тихо спросил:

— А таких, как вы… много?

Он даже не понял, зачем спросил. Просто хотел понять. Кто она? Что она? Есть ли ещё боги, скрытые под личинами обычных людей? Все принимали как должное, что боги выше мирских забот. Но что если Байсюэ не единственная, кто спустился к людям?

— Нет, — коротко сказала она.

Цзяньюй кивнул, а потом, не удержавшись, продолжил:

— А… сколько?

— Мало, — медленно произнесла Байсюэ, глядя в сторону.

Она замолчала, медленно подняла руку и потёрла виски, словно у неё вдруг заболела голова.

Но что значит «мало». Десяток? Двое? Фрески в храмах всегда изображали целые сонмы небожителей. Если сейчас их мало, то куда все они делись?

Когда-то он спросил у наставника, можно ли убить бога. Учитель посмотрел на него долгим взглядом и ответил: «Надеюсь, что нет. Боги — основа мироздания».

Повозка катилась по неровной дороге, деревянные колёса стучали мерно, словно удары сердца. Яохань тихо спала, её лицо было спокойным, почти мирным — в контрасте с напряжением, которое росло в груди Цзяньюя. Но Байсюэ так больше ничего и не сказала.

Глава 5. «Журавль в тумане»

Экипаж мерно покачивался на ухабах, а лошадь фыркала от усталости и шла всё медленнее. Цзяньюй от нечего делать пытался считать, сколько раз она споткнётся.

Пятнадцать.

Стояла глубокая ночь, когда впереди проступили очертания стен и городских ворот.

Несколько медяков неслышно перекатились из ладони Цзяньюя в руку стражника — и ворота нехотя, с протяжным скрипом приотворились, впуская путников.

Наньхуай был городом средней руки — днём шумным, а к ночи погружавшимся в лёгкую дрёму. Лишь огоньки в окнах постоялых дворов и чайных напоминали, что жизнь здесь не замирает до конца.

— Мы остановимся здесь? — спросил Цзяньюй.

— Да, — отозвалась Байсюэ, не шелохнувшись. — Нужно тихое место. Твоя подруга ещё не очнулась.

Юноша стиснул поводья. Яохань выглядела так, будто просто задремала. Как будто это был обычный сон, а не… что? Он и сам не знал. Дышала она ровно, и сердце билось как должно — он проверял. Но она не просыпалась.

Богиня сказала, что всё будет хорошо. Она не стала бы лгать — зачем? Она вступила в схватку со зверем, чтобы их спасти, — не для того же, чтобы потом самой убить в тёмном

переулке. И осталась выхаживать Яохань, хотя могла уйти по своим божественным делам. Значит, была причина. Значит, Яохань нужна ей живой. Пока что их цели совпадали — ему она тоже была нужна живой. И всё-таки сомнения не отпускали. Чего эта богиня от них хочет?

Цзяньюй кивнул каким-то своим мыслям и свернул в боковую улочку, где лавки выглядели попроще. Проехали мимо запертых домов, мимо шумной компании молодых гуляк, раскрасневшихся от вина, и наконец остановились у постоялого двора с выцветшей вывеской «Журавль в тумане».

Фонарик над воротами покачивался, но его света едва хватало, чтобы разглядеть двор. Внутри было тихо.

Цзяньюй спрыгнул на землю и постучал. Вскоре на пороге показалась женщина средних лет в зелёной накидке, расшитой белыми пионами.

— Места есть? — спросил он. — Нам нужно две комнаты.

Про этого «Журавля в тумане» он уже знал от наёмников, да и вообще название было на слуху. Это была целая сеть разрозненных, но узнаваемых дворов, разбросанных по всей Поднебесной, от уединённых трактов до самой столицы. Все они носили одну и ту же вывеску — тонкий силуэт журавля, нанесённый белилами на табличку из чёрного дерева. Хозяева всегда разные — мужчины и женщины, старые и молодые. Но ходили слухи, что вся сеть принадлежит одному человеку. Кому именно — никто точно не знал. Но именно сюда приходили за информацией — и чтобы исчезнуть на время,

скрыться от чужого внимания. Никто не задавал лишних вопросов. Что услышано здесь — остаётся здесь.

— Комнаты найдутся, — ответила хозяйка и кликнула слугу, чтобы тот завёл экипаж во двор и помог гостям устроиться.

Цзяньюй обошёл возок сбоку, откинул полог. Яохань лежала неподвижно, но дышала ровно.

— Ну что ж, — пробормотал он мягко, чуть виновато. — Пора отдохнуть на нормальной кровати.

Он аккуратно подхватил её на руки. Она всегда была такой лёгкой или потеряла столько крови, что стала легче? Цзяньюй невольно прижал её к себе крепче. Голова Яохань легла ему на плечо, прядь волос скользнула по шее — и он замер, вглядываясь в её лицо. Нет, не очнулась. Цзяньюй мотнул головой. Померещилось.

Байсюэ выбралась из повозки следом. Огляделась — ничего примечательного, но двор выглядел чистым, никакого мусора и следов запустения. Здесь явно следили за порядком.

— Подходящее место, — проговорила она тихо, словно себе.

Внутри пахло едой с примесью аромата масла для светильников и ненавязчивых благовоний. Так пахло и в сотнях других постоялых дворов, и этот ничем не отличался от прочих. Слуга без лишних слов провёл их в покои, низко поклонился и исчез за дверью, растворившись в полумраке кори-

дора.

Комната оказалась небольшой, но чистой и с добротной мебелью. У окна стоял низкий деревянный столик, на котором предусмотрительно оставили глиняный чайник и несколько пиал для гостей. Пустой сундук в углу, на случай если постояльцам нужно куда-то сложить вещи. За расписной ширмой тёмного дерева пряталась широкая кровать. Цзяньюй бережно уложил Яохань, поправил подушку, укрыл одеялом до плеч. Пальцы на миг задержались у её запястья — бьётся ровно.

— Завтра ты обязательно очнёшься, — прошептал он. — Слышишь? Обещай мне.

Поднялся он неохотно. На пороге обернулся — и встретился взглядом с Байсюэ, которая всё это время молчала. Тревоги в её глазах не было, и Цзяньюй решил не тревожиться тоже: раз богиня спокойна, значит, всё под контролем.

Он снова посмотрел на спящую девушку. Она лежала неподвижно, только дыхание выдавало в ней живую. Чёрные растрёпанные волосы только подчёркивали бледность лица. Тонкие брови чуть сдвинуты, губы сжаты — будто ей всё ещё было больно или снилось что-то неприятное.

Больше всего на свете Цзяньюй хотел сейчас одного: чтобы с ней всё было хорошо. Он бы остался и считал каждый её вдох. Но здесь от него толку мало. Богиня присмотрит за раненой, а он только под ногами путаться будет.

Он бросил короткий взгляд на Байсюэ, в присутствии ко-

торой всё ещё ощущал неловкость. Неприлично мужчине ночевать с двумя женщинами, одна из которых без сознания… Порядочный человек соблюдает границы, чтобы не дать повода для пересудов. Хорошо, что свободных комнат тут хватало.

Мысль эта была разумной, Цзяньюй легко убедил себя в её правильности. И всё же где-то глубоко, под слоем доводов рассудка, шевельнулось что-то другое. Будь они вдвоём, только он и Яохань, она бы точно не возражала. Сколько лет они знали друг друга, были ближе родни. Если ранен тот, кто тебе дорог, что за дело тогда до приличий?

Но здесь ещё была богиня… И юноша не понимал, как с ней себя вести. Пока что от Байсюэ не ощущалось ауры опасности. Но также он не ощущал её и от Чжи, а их встреча вон чем закончилась… Существа, чья сила намного превосходит человеческую, легко могут скрыть свои настоящие намерения.

В этом мире, в конечном счёте, всё сводилось к силе. Кто сильнее — тот и прав, может принимать решения и определять чужие судьбы. Цзяньюй прекрасно осознавал своё место в этой иерархии. Слабаком он не был, но между ним и богиней лежала пропасть, которую и за сотню лет упорных тренировок не одолеть. Он принимал это, как принимают смену времён года.

Байсюэ он не боялся — особенно после того, как она спасла Яохань. Но с детства его приучили чтить старших и тех,

кто выше по положению. Так делал всякий, кто хотел подольше прожить в Поднебесной. На всякий случай.

Поэтому сейчас он решил оставить их наедине. Им всем нужно было отдохнуть. А он будет за стеной вслушиваться в каждый шорох, как сторожевой пёс. И если что-то пойдёт не так — тут же прибежит!

— Я отправлю пару писем, а потом буду в соседней комнате, — сказал он. — Если что — зовите.

На пороге он помедлил. Поклонился. Не так низко, как слуга, но он чувствовал себя обязанным проявить уважение к спасительнице.

Байсюэ лишь коротко кивнула.

Цзяньюй притворил за собой дверь, оставив богиню со спящей девушкой. Постоял в коридоре, прижавшись лбом к шершавой стене, сделал три глубоких вдоха — и пошёл искать кого-нибудь из слуг, чтобы попросить отправить послания.

Их отсутствие в Школе наверняка уже заметили. Возможно, ищут. А в горах случилось что-то странное — духовный зверь объявился, люди погибли, да и богиня эта ещё… В голове не укладывалось, сколько всего произошло! Наверняка кого-то из старших сюда пришлют разбираться, местным властям сообщат…

Да и домой написать тоже стоило. Если их с Яохань исчезновение заметили, наверняка первым делом проверили, не сбежали ли они домой. Если тётушка Шуфэнь узнает, во что

он втянул её дочь, — при следующей встрече голову ему открутит, сварит и к обеду соседям подаст! По спине пробежал холодок: картина нарисовалась до того живо, что Цзяньюй невольно съёжился и потёр шею, пока она ещё была на месте.

Надо бы как-то попроще написать. Не про зверя, убийства и богиню, конечно — сбежали с занятий, попали в небольшие неприятности, но всё уже хорошо, скоро вернутся…

Он вздохнул. Потом придётся дома всё рассказать и взять ответственность за случившееся. Но первым делом — письмо в Школу!

***

Когда юноша ушёл, плотно закрыв за собой дверь, комната погрузилась в тишину.

Байсюэ бесшумно приблизилась к постели, присела на край и склонилась над девушкой. Её пальцы мягко коснулись лба Яохань.

Эта девушка важна. Богиня знала это абсолютно точно. Но почему именно она, эта юная заклинательница? Ответ ускользал. Она часть плана — какого плана?

Байсюэ нахмурилась. Встряхнула головой, будто это могло помочь упорядочить мысли. После пробуждения многое вернулось: фрагменты прошлого, осколки памяти. И глухое, ноющее чувство утраты. *Тьма, что ползла по миру, пожирая всё живое.* Остальное расплывалось смутными тенями. Каждый раз, когда она пробуждалась после долгого сна, память отказывала ей. Почему?

Нужно время. Чтобы во всём разобраться, нужно время.

За окном донёсся короткий щелчок — где-то во дворе, должно быть, слуга открывал ворота, впуская или выпуская ночных гостей. Богиня вздрогнула от резкого звука.

Голову пронзило резкой болью. На мгновение из темноты проступил чей-то жуткий силуэт с щупальцами. Пространство вокруг будто начало складываться само в себя, выворачивалось наизнанку, обнажая нутро, полное копошащейся тьмы. Окно превратилось в рот, полный острых зубов.

Память ли это? Предчувствие?

Байсюэ крепко зажмурилась, вцепившись пальцами в край кровати. И почувствовала привкус крови у себя во рту.

Она глубоко вдохнула и резко открыла глаза. Комната была прежней. Никаких чудовищ, только спящая Яохань. Тяжесть в груди начала понемногу отпускать.

Лунный свет, пробиваясь сквозь рисовую бумагу окон, ложился на лицо девушки мягким серебром, подчёркивая юную свежесть черт, упрямый изгиб бровей. Губы дрогнули, сжались. Наверное, что-то приснилось.

Байсюэ замерла, поймав себя на том, что смотрит на это едва уловимое движение. Яохань не проснулась. Но пальцы её шевельнулись. Богиня накрыла их своей ладонью, чувствуя под кожей живое тепло.

***

Цзяньюй спустился на первый этаж постоялого двора, в общий зал. В такое время здесь было почти пусто. Сонный

слуга клевал носом за стойкой, вяло ожидая распоряжений. Пришлось повысить голос, чтобы его разбудить и попросить найти возможность срочно отправить послание.

Пока искали посыльного, — а сделать это посреди ночи было не так уж просто, пришлось финансово ускорить дело, — Цзяньюй сел за ближайший стол, разложил письменные принадлежности, торопливо растёр тушь, обмакнул кисть. И замер над чистым листом.

Что написать? Как объяснить Школе, почему их так долго не было и почему Яохань была ранена? И про Байсюэ…

Но в такой ситуации лучше всего — правда. Всё-таки речь шла о жизнях людей и опасном духовном звере. А наказания в любом случае избежать не удастся.

Он кратко рассказал о произошедшем и запечатал письмо специальным талисманом, чтобы не вскрыли по дороге — его сможет прочитать только кто-то из старших учеников или наставников Школы Пяти Циклов. Письмо домой можно было отправить и позже.

Убедившись, что посыльный покинул двор, Цзяньюй поднялся на второй этаж. Чуть было не зашёл проведать Яохань. Остановился у двери. Послушал — тихо. Постоял ещё немного и молча пошёл в свою комнату. Не стал тревожить. А ему тоже следовало поспать.

Он устроился на кровати, лёг на спину и уставился в потолок. От дрожащего пламени свечи по балкам плясали причудливые тени. Потушил пламя. Теперь свет исходил только

от луны за окном, но её не убрать с неба. Перевернулся на бок, уткнулся лбом в подушку и зажмурился. Не помогло. Сердце билось слишком громко.

Провёл ладонью по лицу. Всё в порядке. Никто не умер. Все живы. Всё хорошо. Всё должно быть хорошо. Но что-то внутри будто не верило. В груди было пусто и тесно одновременно.

Почему-то именно сейчас он вспомнил, как когда-то давно, когда они с Яохань были ещё детьми, она разбила колено и подвернула ногу. Глупая была история — кто-то из них предложил посоревноваться, кто быстрее переберётся через забор. Он уже и не помнил, кто предложил. Наверное, он. Наверняка он.

Яохань тогда не плакала. Он принёс ей воду с кухни в тарелке для супа и пытался дуть на ссадину.

— Не дыши на меня, — сказала она. — Ты только хуже делаешь.

— Я просто хочу, чтобы тебе стало легче!

— Да ты и помогать толком не умеешь… Я сама!

Он тогда обиделся. Но не ушёл. И сидел до заката, рассказывал смешные истории, пока она не встала сама, хромая. Всё равно пошла — через боль. Такая упрямая… И всё-таки оперлась на него, хотя делала вид, что это ей не нужно. Продолжала шутить и смеяться. Вот и вся их история.

Сейчас, лёжа в темноте, он почему-то вспомнил именно этот момент.

Цзяньюй повернулся к стене, за которой была другая комната. Там — она.

Почему-то он до сих пор помнил ощущение, когда нёс её на руках. Тогда он думал только о том, чтобы добраться до комнаты и устроить её поудобнее. Если бы Яохань была в сознании, наверное, оттолкнула бы его и попыталась бы дойти сама. Она не любила показывать слабость. Наверное, когда она очнётся, обязательно встретит его с улыбкой и скажет, что ничего не болит. Но за годы их дружбы он научился различать её улыбки. Когда ей было по-настоящему радостно, а когда она скрывала боль.

Цзяньюя охватило какое-то странное чувство, которому он никак не мог подобрать название. Он знал, что волнуется — втянул Яохань в неприятности, а теперь она страдает от последствий. Любой бы волновался на его месте. Но почему так громко колотится сердце?

Цзяньюй продолжал ворочаться с боку на бок. Даже дыхательные упражнения не помогали!

Юноша сжал глаза крепче и накрылся одеялом с головой.

— Просто спи, — прошептал он себе. — Утро расставит всё по местам.

***

… Скалы вокруг изгибаются под невозможными углами, оплывают на землю и заливают ноги густым холодом.

Низкий рёв вспарывает тишину. Треск — будто ломается кость.

Всполох пламени выхватывает из мрака силуэт. Девять голов раскачиваются на длинных шеях, девять хвостов хлещут пустоту. Из тела проступают чёрные щупальца.

Пламя гаснет. Темнота сжимается со всех сторон. Земля уходит из-под ног, и остаётся только бесконечное падение.

А потом из тьмы проступает лицо, с которого смотрят два абсолютно чёрных провала…

Яохань резко вдохнула. Ощупала себя — цела, одета, укрыта тёплым одеялом. Тревога отступила. Это был просто ночной кошмар.

Девушка открыла глаза. Потолок был незнакомый, меж тёмных балок тянулись тонкие паутинки, поблёскивающие в утреннем свете. За окном слышались звуки оживающего города: скрипели колёса, фыркали лошади, перекликались торговцы, открывающие лавки. Где-то звякнул колокольчик.

— Ты проснулась, — донёсся мягкий голос.

Яохань повернула голову. Ужас, охвативший её во сне, отступил, сменившись удивлением.

За чайным столиком неподвижно сидела женщина. Белоснежные волосы уложены в простую, но изящную причёску: верхние пряди собраны в высокий узел на темени, остальные свободно струились по плечам, симметрично обрамляя лицо; шёлковое бледно-жёлтое одеяние с широкими рукавами украшено изящной вышивкой с пионами и бабочками.

Весь этот образ казался смутно знакомым.

— Вы… — Яохань приподнялась на подушке. В горле пересохло. — Простите, кто вы?

Женщина совершенно не удивилась такому вопросу.

— Мы уже встречались, — сказала она. — Но ты не могла этого запомнить.

Упрёка в голосе не было. И всё же по спине Яохань пробежала дрожь. Она попыталась напрячь память, но в голове всё ещё был туман.

— Ох… Это же вы были в храме, — прошептала она. — Богиня…

— Байсюэ, — кивнула женщина. — Этого имени достаточно.

Они долго смотрели друг на друга. Яохань чувствовала, что должна задать Байсюэ сотню вопросов — о том, что произошло, о том, кто она такая, о том, как они выбрались.

— Вы спасли нас… — только и выдохнула она.

Байсюэ отвела взгляд к окну.

— А Цзяньюй?

Яохань замерла. Сердце глухо ударилось в груди. Она боялась услышать ответ. Пальцы судорожно впились в покрывало.

Но ответ на её вопрос пришёл на своих ногах. Дверь распахнулась — и в комнату влетел Цзяньюй.

— Ты проснулась! Слава Небу, наконец-то!

Он подскочил к кровати, присел на корточки и взял де-

вушку за руку. Она не отдёрнула её. Напротив — сжала его пальцы крепче. Захотелось даже провести по мозолям на его ладони, чтобы убедиться, что это действительно он, живой.

— Мы оба в порядке? — спросила она хрипло, вглядываясь в его лицо. Но на неё смотрели яркие глаза друга — только сейчас они блестели сильнее обычного, влага чуть-чуть скопилась в уголках.

— Да, — кивнул он. — Мы живы. И даже уже в нормальном городе, на нормальном постоялом дворе!

Яохань рассмеялась. Цзяньюй даже в такой ситуации умудрился сморозить глупость.

Байсюэ почти незаметно улыбнулась, наблюдая за ними.

— Тебе повезло, — сказала она. — Её душа оказалась сильнее смерти, даже когда тело почти сдалось.

— Она упрямая. Сколько себя помню. Однажды в детстве… — Цзяньюй запнулся, поймав взгляд Яохань. — Э… потом расскажу. Главное — ты здесь. И я тоже. И всё хорошо.

— Хорошо, — согласилась она. А потом вдруг добавила, глядя на Байсюэ:

— И спасибо вам. Мне почему-то кажется, что мы встречались раньше…

Богиня на миг прикрыла глаза, как будто почувствовала боль. Но когда снова открыла их — на губах играла лёгкая, едва заметная улыбка.

— Возможно.

Солнечный луч скользнул по полу и лёг на край кровати. Небо было чистым и ясным, ни единой тучи, как будто тоже радовалось пробуждению Яохань.

Некоторое время они с Цзяньюем просто сидели в тишине. Он не отпускал её ладонь, словно боялся, что если ослабит хватку — она исчезнет.

— Как ты себя чувствуешь? — наконец спросил он тихо, покосившись на Байсюэ, которая отошла к окну. В её присутствии разговаривать было как-то неловко, но попросить её уйти он тоже не решился.

— Тело немного ломит, но меня волнует другое.

— А что тебя волнует? — он внимательно посмотрел на неё.

— Всё, — выдохнула она. — Всё, что произошло. Этот храм… зверь… И… ты.

— Я? — он чуть удивлённо вскинул бровь. — Что не так?

Она отвела взгляд и посмотрела на свои пальцы в складках одеяла.

— Ты бросился на него. Это последнее, что я помню.

Цзяньюй замолчал. Потом тихо вздохнул.

— Очень испугался. Больше, чем когда-либо в жизни.

— Тогда зачем?

— Потому что… — он помедлил. — Потому что ты лежала на земле. Потому что, если бы я убежал — я бы никогда себе этого не простил. Ни в одной жизни.

Яохань посмотрела на него. Уголки губ приподнялись, а

щёки порозовели.

— Ты дурак, Лю Цзяньюй.

— Ну наконец-то, — оживился он. — Я уже думал, что ты меня больше не будешь так называть. А это уже почти моё второе имя.

— Не обольщайся, — отозвалась она, но голос её звучал тепло.

Он засмеялся и наконец разжал пальцы, но руку не убрал. Ещё несколько мгновений продолжал упираться в покрывало так, что их пальцы чуть касались.

Затем медленно поднялся и обратился к Байсюэ с лёгким поклоном:

— Госпожа, как Яохань? Что скажете о её состоянии?

— Её жизнь вне опасности, — Байсюэ даже не повернулась, продолжая смотреть в окно. — Но ей пока нужен отдых.

— Я думаю, отдых нам всем не помешает! Ночью я направил письмо наставникам, скоро должен прийти ответ.

Байсюэ молча кивнула.

— Эээ… Я принесу вам свежий чай? — Цзяньюй понял, что разговор окончен, но не хотел вот так сразу уходить. — И если вам нужно поспать в отдельной комнате, я ещё одну попросил подготовить, специально для вас.

— Хорошо, — отозвалась богиня.

Цзяньюй притворил за собой дверь и тяжело вздохнул. Когда Байсюэ сказала «хорошо» — это означало «хорошо, неси чай» или «хорошо, что будет отдельная комната»? Но

не переспрашивать же!

Поэтому он отправился за чаем. Ну чем не подношение в благодарность за спасение жизни? Надо подумать, как бы лучше отплатить ей за добро… Чай — это слишком мелко.

Глава 6. Ожидание

Для человека, руководившего одной из величайших праведных школ, Хэ Чжэнь выглядел неброско. Высокий и худощавый, уже в том возрасте, когда иней седины не сходит с волос. Однако в его осанке чувствовалась сила, неподвластная годам. По вороту и рукавам белоснежных одежд Пика Металла тянулся серебристый узор — знак власти действующего Главы.

Сейчас он застыл над доской для вэйци[1], зажав нефритовый камень между указательным и средним пальцами. Чёрные и белые круглые камни теснились на пересечении линий, выстраиваясь в сложную картину незавершённого сражения. Последний ход соперника поставил его в тупик — то ли тот ошибся, то ли намеренно проигрывал.

Напротив, подперев щёку ладонью, сидел старший ученик Школы Пяти Циклов, Су Юншэн. И наблюдал за муками наставника с лёгкой улыбкой.

— Вы, наверное, уже не рады, что я вернулся.

— Именно сейчас — нет! — Хэ Чжэнь поднёс камень к доске, но отвёл руку, так и не опустив его. — Расскажи лучше, что узнал.

---

[1] Вэйци (##) — настольная стратегическая игра, в которой два игрока поочерёдно выставляют чёрные и белые камни на доску, стремясь окружить и захватить территорию противника. Известна в Японии как «го».

— Мы обнаружили ещё несколько храмов, захваченных культистами. Они уже почти не стесняются, хотя по-прежнему называют себя последователями древних богов. Так быть не должно.

— В каком смысле не должно?..

Стук в дверь оборвал его на полуслове.

После разрешения войти на пороге возник запыхавшийся ученик со знаком дежурного Южных ворот на поясе и коротко поклонился Главе и старшему ученику.

— Тут срочное послание. Просили передать лично вам.

Хэ Чжэнь молча протянул руку. Дежурный передал конверт и добавил, не поднимая головы, что ответ будут ждать сразу.

Глава нахмурился, распечатал письмо. Оно от ученика Школы, сомнений не было. Ну конечно, Лю Цзяньюй — его исчезновение не прошло незамеченным. Хэ Чжэнь пробежал глазами текст и протянул бумагу Юншэну.

— Подожди пока за дверью, — приказал он ученику. Тот послушно вышел.

Су Юншэн прочитал письмо и вскочил с места, будто собирался сам бежать с ответом. От расслабленной позы не осталось и следа.

— Сядь, — спокойно сказал Глава и отодвинул доску с вэйци. — Судя по твоей реакции, этого тоже не должно было произойти.

— Верно. Я должен отправиться лично.

— Когда речь заходит о ней, я начинаю забывать, кто из нас старше, — Хэ Чжэнь усмехнулся. — Напишу, чтобы они тебя дождались.

Пока Глава выбирал подходящую кисть из лежащих на боковом столике, Юншэн на своё место не вернулся. Мерил шагами комнату.

— Байсюэ не должна была проснуться так рано, — он подошёл к окну. — Всё идёт не так. Она сейчас одна и не понимает, что происходит.

— Насколько рано? — спросил Глава, не отрываясь от письма. — И не переживай так, с ней те двое учеников. Непоседливые, конечно, но добрые ребята, ничего дурного ей не сделают. Возможно, это судьба, что именно они встретили её первыми.

— Достаточно рано, чтобы мы не успели к этому подготовиться, — старший ученик замер у окна.

— Разве? Мне казалось, что мы только и занимаемся, что подготовкой. Не теряй голову. Ты ведь уже проходил через это. Столько живёшь среди людей, а всё не доверяешь. Воде не всегда нужно русло, чтобы найти, куда течь.

Хэ Чжэнь дописал последнюю строку, подул на тушь, подождал мгновение и свернул лист. Затем наложил защитную печать и вызвал наконец дежурного, чтобы отдать ответ.

Когда топот ног в коридоре стих, Глава поднял глаза на Юншэна.

— Поезжай. И отправь кого-нибудь разобраться с появле-

нием духовного зверя, такую бойню скрыть не получится. — Он сделал паузу. — Только, Юншэн…

Тот уже стоял у двери, и рука его лежала на створке.

— Ты говоришь — в этом цикле всё идёт не так. Может, оно и не должно идти, как в прошлом? Разве не в этом состоял ваш план?

Старший ученик ничего не ответил. Коротко поклонился и вышел.

***

Ответ из Школы Пяти Циклов добрался до постоялого двора быстрее, чем Цзяньюй рассчитывал.

Он сразу узнал ровный почерк Главы. Пусть об этом не было написано прямым текстом, но раз дело дошло до самого Хэ Чжэня, то наказания за самовольный уход с территории школы не избежать. Цзяньюй мысленно перебрал все известные ему случаи, когда ученики покидали Школу без разрешения, и ни один не заканчивался хорошо. Впрочем, ни один из тех учеников не приводил с собой богиню, так что, возможно, одно перевесит другое.

Предписывалось оставаться на месте и ждать прибытия группы заклинателей, направленной для расследования произошедшего в горах, — значит, Глава ему поверил. Или, по крайней мере, отнёсся к его словам достаточно серьёзно. Что-что, а это исполнить было легко. Яохань ещё не восстановилась и всё время спала, никуда они не поедут, пока ей не станет лучше. Байсюэ говорила, что так много спать — нор-

мально, идёт восстановление. Цзяньюй хотел в это верить, но каждый раз, сидя у кровати, ловил себя на том, что прислушивается к её дыханию.

Но ей и правда становилось лучше. Бледность ушла, на щеках проступил румянец. Яохань, когда просыпалась, шутила и жаловалась, что кровать неудобная.

А ещё, — Цзяньюй перечитал строку дважды, — приедет старший ученик лично и будет сопровождать их с уважаемой гостьей обратно.

Со старшим братом Су он был едва знаком, хотя в Школе виделись, конечно. Слухов об этом человеке ходило много, и не все хорошие. Он считался самым талантливым заклинателем своего поколения. А ещё он был красив. Из таких, про которых говорят, что «от одного взгляда замирает сердце как у девушек, так и у юношей». Насчёт юношей Цзяньюй не был уверен, а вот на девушек определённо действовало. Впрочем, это была вершина, до которой не дотянуться: признания в любви, особенно от младших учениц, сыпались на него что снег зимой. Но получали, в лучшем случае, вежливый отказ.

Но беспокоили его вовсе не подобные слухи, а то, что по возвращении в школу его ждёт наказание. А может, и раньше — у старшего брата Су полномочий для этого хватало.

Что ж, ученик, не способный ответить за последствия своих поступков, недостоин называться праведным заклинателем. В этом не было несправедливости, таков порядок ве-

щей. Но всё равно было страшно. Оставалось только ждать и принять свою судьбу.

Сейчас они с Байсюэ расположились на другой половине комнаты за низким столиком. Богиня редко выходила, оставаясь подле Яохань, — следила за её состоянием. Так что приносить еду и хоть как-то развлекать гостью приходилось Цзяньюю. Развлекать — это, конечно, громко сказано. Он просто рассказывал обо всём, что знал. После пробуждения Байсюэ многого не помнила и жадно впитывала любые подробности о мире вокруг. Но когда речь зашла о духовных зверях, невольно вспомнился Чжи — напоминание о собственной слабости. Нужно было тренироваться усерднее, чтобы в следующий раз…

— Я должен был защитить её, — буркнул Цзяньюй, хмурясь. Он взял со стола маленький глиняный чайник, чтобы налить себе немного воды. От долгого разговора в горле пересохло.

— Тогда вы оба могли умереть. Сил справиться с ним у тебя бы не хватило.

Яохань, тихо дремавшая на постели, повернулась на бок и приоткрыла один глаз:

— Если собираетесь обсуждать мою трагическую гибель — делайте это потише, пожалуйста. Я как бы жива.

Цзяньюй дёрнулся и чуть не уронил чайник. Несколько капель выплеснулись из носика.

— Яохань! Ты давно проснулась?!

— Только что, — зевнула она.

Байсюэ подошла ближе к кровати. Девушка тут же вложила руку в её раскрытую ладонь, чтобы дать проверить пульс.

— Голова не кружится? Руки, ноги чувствуешь?

— Кажется, всё хорошо… Только есть очень хочется.

— Сейчас всё будет, — Цзяньюй опустил наконец чайник на стол и предложил подруге маленькую пиалу. — Чай будешь? Только не вставай пока.

— Да я и не собиралась, — фыркнула она. — Ты же мне всё подашь!

Байсюэ улыбнулась уголками губ.

— Ладно, — вздохнул Цзяньюй. — Что брать?

Он посмотрел на Байсюэ. Та моргнула, будто не сразу поняла, что он и у неё спрашивает.

— Я… не знаю… Я не помню, какие блюда я любила раньше.

— Возьми цзяньбин[2], — пришла на выручку Яохань, приподнимаясь на локте. — Госпожа Байсюэ, попробуете? Они очень вкусные.

— Хорошо. Не знаю, что это, но твоему вкусу доверюсь.

— Отлично! — обрадовалась Яохань. — Раз богиня не помнит, что едят люди, — будем пробовать каждый день что-то новое. Вдруг что-нибудь понравится!

— Быстро же ты поправилась, раз уже столько думаешь о

---

[2] Цзяньбин (кит. ##) — традиционный китайский уличный завтрак: тонкий блин с яйцом, зеленью, соусом и хрустящей начинкой, свёрнутый конвертом.

еде, — заметил Цзяньюй.

— Поэтому неси побольше блинчиков, — подсказала Яохань.

Цзяньюй вернулся быстро и с огромной корзиной, от которой по комнате тут же поплыли аппетитные ароматы. У Яохань тут же заурчало в животе, и она стыдливо прикрылась одеялом.

— Когда я говорила «побольше блинчиков», я не имела в виду настолько… — хихикнула она в кулак.

— Я не виноват, что там всё вкусно пахло! — Он медленно снял крышку, являя миру стопку жареных хрустящих блинчиков.

— А это… — Цзяньюй выудил из-под булочек большой кулёк и показал содержимое Байсюэ. — Шашлычки с курицей. Они острые. Я подумал, вдруг вам понравится острое. — В его глазах сверкнул озорной огонёк.

— Я не знаю, — покачала она головой. — Но с удовольствием попробую.

Цзяньюй протянул ей одну шпажку. Байсюэ осторожно поднесла кусочек к губам, вдохнула аромат и откусила.

— Приятно. Кажется, острое мне действительно по вкусу.

Цзяньюй моргнул.

— …Правда?

Он уверенно взял себе другую шпажку — наверняка торговец специй пожалел! — и откусил огромный кусок.

Лицо юноши сначала побледнело. Потом покраснело.

— О-о-о-ост… ост…

В глазах уже стояли слёзы.

— Ты в порядке?! — участливо спросила Яохань, едва сдерживая смех.

— Всё нормально! — прохрипел он, схватил чайник и опрокинул в себя всё его содержимое.

Все оставшиеся шашлычки достались Байсюэ.

***

Пока Яохань оставалась в постели и набиралась сил, Байсюэ почти не отходила от неё, а Цзяньюй бегал в город за всякими вкусностями. Так прошло три дня. О том, что за ними вот-вот приедут из Школы, он старался не думать. Что он скажет старшему ученику? В послании он изложил всё кратко и сухо. Но одно дело — написать. Совсем другое — повторить это вслух и с деталями.

В этот день утро выдалось пасмурным. Низкие облака цеплялись за крыши, выплёвывая мелкую морось — Цзяньюй поморщился, стоило только выйти во двор. Такую погоду он не любил.

Но Яохань наконец стало лучше: она уже не всё время проводила во сне, сидела в кровати, болтала. Однако Байсюэ была непреклонна — выходить рано, тело ещё не восстановилось. Яохань вздыхала, закатывала глаза, но спасительницу свою слушалась беспрекословно. Зато жаловалась Цзяньюю, будто её в подземелье заперли. Непривычно ей было столько дней сидеть в четырёх стенах. В Школе хоть какое-то

движение: пусть и много времени проводишь в классе, но потом и тренировочные бои, и погулять в саду можно, да хоть после занятий в библиотеку сбегать — уже разнообразие.

Поэтому он и хотел её порадовать — вкусы её он хорошо знал, она любила сладкое. В прошлый раз, возвращаясь с рынка, он приметил торговца сахарными фигурками. Каждая была выполнена так тонко, что хотелось скорее любоваться, чем есть. Яохань точно понравится!

К счастью, торговец был на месте, поэтому Цзяньюй купил сразу несколько. Однако с тоской проводил взглядом горсть медных монет, исчезнувших в ладони торговца.

Деньги стремительно заканчивались. Эта поездка не должна была занять столько времени, и тем более он не планировал оставаться на постоялом дворе так долго… А из-за всего, что случилось в горах, Цзяньюй попросту забыл отправить весточку нанимателю, поэтому вознаграждение за исследования храма не получил. Да и вряд ли бы получил, если бы отправил. Остальные наёмники погибли, и наниматель тоже остался ни с чем. Платить как бы и не за что. Оставалось надеяться, что заклинатели из Школы разберутся и с этим, раз уж всё равно едут расследовать. И можно будет переложить дальнейшие расходы на старшего брата Су! Не самая достойная мысль, но… Просить у Яохань он точно не станет. У Байсюэ — тем более. Он вообще не был уверен, что у богини были деньги. Хотя она создала повозку с помощью духовной энергии, наверное, могла бы и золотой слиток

сотворить. Юноша передёрнул плечами. Создавать деньги из воздуха — это, пожалуй, даже хуже, чем подделка!

С этими мыслями он направился обратно к постоялому двору, стараясь, чтобы дождь не намочил фигурки.

В общем зале «Журавля в тумане» была непривычная суета. Поднимаясь наверх, Цзяньюй краем уха уловил перешёптывание двух служанок у лестницы — приехал какой-то очень важный гость.

Дверь в комнату Яохань была приоткрыта.

Цзяньюй замер на пороге. Не нужно было спрашивать про овцу, чтобы узнать про лошадь[3]: «важный гость», оказавшийся в их комнате, мог быть только один.

[3] «Спросить про овцу, а узнать про лошадь», #### (wèn yáng zhī mǎ) — идиома, означающая умение докопаться до истины окольным путём, сделав верный вывод из косвенных сведений.

Глава 7. Камень, брошенный в стоячую воду

Яохань выглянула из-под одеяла. Байсюэ стояла у окна, глядя на серое небо. Цзяньюя в комнате не было.

— Опять за едой побежал?

— Да, — отозвалась богиня. — Обещал принести что-то, что тебе точно понравится.

Яохань села на постели и потянулась. Украдкой покосилась на Байсюэ: не разрешит ли уже выйти прогуляться? Пасмурная погода её вовсе не пугала, а лежать так надоело! Но, кажется, нет. Может быть, завтра…

Внизу хлопнула дверь, донеслись взволнованные голоса. Новые постояльцы? Или Цзяньюй вернулся? В пользу второго говорили быстрые уверенные шаги по коридору, затихшие у самого порога.

Яохань уже приготовилась получить свой вкусный сюрприз, чем бы он ни был. Но в комнату вошёл вовсе не Цзяньюй.

На пороге стоял мужчина. Взгляд Яохань скользнул по серебристой вышивке на рукавах чёрного ханьфу и задержался на идеально правильном лице, где особенно резко выделялись густые, чуть приподнятые к вискам брови.

— Старший! — девушка дёрнулась было встать, но под

тяжёлым взглядом Байсюэ послушно осталась на месте.

— Прошу прощения за вторжение, — сказал гость и поклонился, обращаясь явно к богине, а не к Яохань. При движении свет скользнул по обсидианово-чёрным волосам, собранным на затылке в аккуратный пучок. — Я Су Юншэн, старший ученик Школы Пяти Циклов. Глава Хэ отправил меня сопроводить вас.

Его голос был таким же красивым, как и его внешность — глубоким и ровным. Яохань сглотнула. Недавно старший ученик целых полгода заменял одного из наставников Пика Огня, пока тот уезжал по срочным семейным делам, поэтому она уже успела привыкнуть, и всё же впечатление от него оставалось сильным. Во время занятий её ужасно раздражало, что другие ученицы обсуждали не тему урока, а привлекательность преподавателя. Но даже она не могла не признать: обсуждать там было что.

Байсюэ подошла ближе. По её реакции было сложно понять, что она думает. Она чуть склонила голову набок. Лицо оставалось спокойным, но глаза прищурены, будто оценивали каждое движение гостя.

Глядя на старшего ученика и Байсюэ рядом, Яохань вдруг подумала, что между ними было едва заметное сходство. Только не как у родственников, а скорее как у людей, выросших в одной местности, когда в чертах и в манере держаться чувствуется общий отпечаток привычек и культуры. Прежде Яохань никогда не задумывалась, откуда родом брат Су. Да

и у Байсюэ спросить о таком ей в голову не приходило.

А ещё в памяти вдруг всплыло, что где-то она недавно видела ещё кого-то похожего. Такое же странное ощущение, как от портрета, найденного в храме! Яохань твёрдо решила, что рисунок обязательно покажет — а вдруг и правда есть какая-то связь.

Пока она задумалась, Юншэн неожиданно резко обернулся к двери и громко произнёс:

— Нечего стоять на пороге.

Яохань перевела взгляд на деревянную створку, которая была чуть приоткрыта, и после приглашения медленно распахнулась шире. За дверью стоял Цзяньюй. Из-за влажной погоды его волосы начинали виться, придавая ему трогательный, почти мальчишеский вид. В руках юноша осторожно держал небольшой свёрток, из которого выглядывали сахарные фигурки. Яохань едва сдержала улыбку — такие лакомства она обожала с детства. Цзяньюй не забыл!

Заклинатель испуганно оглядел присутствующих, неловко поклонился, стараясь не рассыпать покупки, и осторожно положил свёрток на столик.

После обычного обмена любезностями друзья начали наперебой рассказывать старшему ученику о загадочном храме в горах, как они встретили Байсюэ, о случившемся с наёмниками, о духовном звере Чжи; обещали чуть позже показать копии барельефов и найденные свитки. Старший ученик молча слушал, изредка задавая уточняющие вопросы. А

Цзяньюй то и дело подливал чай в опустевшие пиалы.

Брат Су нахмурился, услышав о состоянии трупа у выхода, но никак этого не прокомментировал. Со стороны могло показаться, что дальнейший рассказ его мало занимает, — пока речь не зашла о встрече с ребёнком.

— Не очень-то благоразумно с вашей стороны, — сухо заметил он.

— Мы несколько раз проверили его ауру, всё было чисто! — Яохань опустила глаза.

— Когда вернёмся в Школу, оба перепишете вторую часть трактата досточтимого У Цзяня о духовных зверях. Пятьдесят раз. А затем сдадите мне краткое изложение.

Цзяньюй шумно вздохнул. Он терпеть не мог переписывать.

— Но…

— Пожалуй, первую и третью части тоже.

Не решаясь больше возражать, заклинатели продолжили. Впрочем, о дальнейших событиях рассказывать пришлось недолго: схватка со зверем чуть не закончилась трагично — если бы вовремя не подоспела Байсюэ.

Сама богиня в разговор почти не вмешивалась, лишь тихо наблюдала со стороны, словно ей было гораздо интереснее следить за беседой, чем участвовать в ней.

— Госпожа Байсюэ, — Юншэн повернулся к ней. — Как вы оказались в храме?

— Я не помню.

Яохань невольно напряглась. А что, если старший ученик не поверит? Она лихорадочно пыталась придумать, чем бы ещё подкрепить рассказ. Но это не понадобилось.

— Тогда пока не буду спрашивать больше. Память не стоит будить силой.

Яохань перевела взгляд с Юншэна на Байсюэ. Ответ прозвучал странно, будто бы с ноткой грусти, и, кажется, богиня тоже это заметила. Она смотрела на старшего ученика не мигая.

— Вы говорите так, словно уже сталкивались с подобным.

— Давайте продолжим этот разговор позже. Ученице Чжао нужен покой, да и я не против отдохнуть с дороги.

Юншэн элегантно поднялся из-за стола. Цзяньюй тоже вскочил, но куда более неуклюже, — Яохань едва не фыркнула, однако сдержалась в присутствии старших.

Он коротко поклонился и направился к двери. Уже взявшись за створку, обернулся:

— И, ученик Лю. В следующий раз выбирай угощение тщательнее. Госпоже Байсюэ такое не понравится.

Дверь за ним закрылась. Богиня ещё пару мгновений смотрела на створку, затем резко отвернулась.

— Откуда он… — Цзяньюй неуверенно потянулся к свёртку. — Может, просто предположил, что богиня не любит человеческую еду. Или что-то в этом роде.

— Богам не возбраняется есть человеческую пищу, — ровно отозвалась Байсюэ. Двумя пальцами она взяла палоч-

ку с сахарной рыбкой и поднесла к губам.

Её брови тут же сдвинулись.

— Слишком сладко.

Яохань задумчиво посмотрела на закрытую дверь.

— Госпожа Байсюэ, — медленно произнесла она, — вы точно никогда раньше не встречали старшего брата Су?

— Не думаю, — отозвалась та, но в голосе прозвучала нотка сомнения.

***

На следующий день Юншэн пришёл осмотреть Яохань сам. С собой он принёс небольшой свёрток из тёмной ткани. Внутри ровными рядами лежали серебряные иглы разной длины.

Яохань была не в том положении, чтобы возражать. Послушно легла на спину, прикрыла глаза. Смотреть, как ставят иглы, она никогда не любила. Цзяньюй незадолго до этого ушёл под предлогом соблюдения приличий: Су Юншэн за лекаря сойдёт, а ему там что делать? Лучше пойти купить чего-нибудь вкусного для всех. Накануне ему чудом удалось разжалобить старшего ученика — и теперь кошелёк на поясе снова отзывался обнадёживающим звоном, что Цзяньюй не упускал случая лишний раз проверить.

Юншэн работал быстро. Брал иглы одну за другой, без единого лишнего движения. Байсюэ всё это время стояла у изголовья, не проронив ни слова, только неотрывно следила за тем, как мелькали иглы в его пальцах. Яохань ни разу

не вздрогнула, а вскоре и вовсе уснула. Закончив с иглами, старший ученик коротко поклонился и вышел.

Богиня и сама не могла объяснить, зачем пришла посмотреть. Разве что из любопытства. Ставить иглы она не умела, только слышала от спутников, как хорошо это помогает. Некоторое время она ещё посидела у постели подопечной, прислушиваясь к её ровному дыханию, а потом тихо поднялась.

Дверь она прикрыла за собой осторожно, чтобы не разбудить скрипом Яохань. Прошла по длинному коридору, к лестнице в общий зал. В те дни, что они провели на постоялом дворе, она редко туда спускалась со второго этажа. Но сейчас ей захотелось погрузиться в шум людских голосов.

С того момента, как приехал Су Юншэн, в груди Байсюэ поселилось непонятное беспокойство. Ей не хотелось с ним встречаться лишний раз, и в то же время хотелось видеть.

Скрипнула ступенька — по лестнице кто-то поднимался. На рукавах коротко блеснула серебряная вышивка.

Они остановились почти одновременно — в двух шагах друг от друга.

— Госпожа Байсюэ. — Юншэн чуть наклонил голову.

— Господин Су.

Коридор был узким, но не настолько, чтобы было невозможно разойтись. Ни один из них не сделал шага.

— Ученица Чжао спит? — спросил он наконец.

— Да.

— Хорошо. Я зайду к ней позже.

Байсюэ всё же сдвинулась с места первой. Прошла мимо, шагнула на верхнюю ступень лестницы.

— Откуда вы знали про сладкое? — спросила она вдруг. Хотелось спросить совсем не это, но слова сами сорвались с губ.

— Угадал.

Байсюэ медленно подняла на него взгляд. Отчего-то она знала, что это неправда.

Острая боль взорвала сознание, словно кто-то вбил раскалённый гвоздь в висок. Богиня ахнула, схватилась за голову. Коридор, лестница, пламя светильников — всё закружилось и поплыло. Ноги подкосились.

Перед глазами вспыхнула сцена: чьи-то пальцы, переплетённые с её. В крови. Голос у самого уха говорит что-то, но она не может расслышать слов. Вокруг темнота, а внутри — уверенность: больше не будет ничего.

Сильные руки подхватили её, не дав упасть на лестнице. Её подняли и куда-то понесли. Было всё равно куда.

Спина коснулась жёсткой кровати. Слёзы застилали глаза, и Байсюэ не сразу разобрала, где находится, но это была не комната Яохань. Дверь осталась чуть приоткрытой. А Юншэн был совсем близко — стоял на коленях рядом. Но больше не касался её, с тех пор как принёс сюда, и этого прикосновения Байсюэ не хватало.

— Я что-то увидела, — прошептала она. Он задержал ды-

хание. — Обрывочные воспоминания… Кажется, там были вы.

Юншэн долго молчал.

— Возможно.

Что-то в груди сжалось. Поддавшись внезапному порыву, она протянула руку и коснулась его лба. Под её пальцами вспыхнул золотой символ, похожий на вертикальный глаз в обрамлении лепестков лотоса. Вспыхнул и тут же погас.

— Вы… такой же, как я… И больше… никого нет…

Слова давались ей с трудом, рука бессильно опустилась на кровать.

— Вам нужно отдохнуть, — сказал он.

Шелест ткани — он поднимался, чтобы уйти.

Рука метнулась сама, прежде чем она успела подумать. Пальцы вцепились в широкий чёрный рукав.

— Останься.

Без обращений вроде «господин Су», а так, как обращаются к близкому человеку.

Дыхание рядом сбилось. Но он не попытался вырваться. Тёплые пальцы медленно сомкнулись вокруг её запястья.

— Хорошо.

В коридоре кто-то прошёл. Возможно, Цзяньюй вернулся. Но Байсюэ было всё равно. Она закрыла глаза.

Пока Байсюэ спала, Юншэн лишь ненадолго вышел, чтобы снять иглы Яохань. А вернувшись, уже не уходил.

***

Прошло три дня.

Всё это время погода капризничала, будто не могла решить, какой ей хочется быть. Морось, встретившая Юншэна в день приезда, сменилась ярким солнцем на пронзительно-синем небе; к вечеру наползли свинцовые тучи, а наутро снова распогодилось.

Зато Яохань поправлялась быстрее, чем смела надеяться. Должно быть, потому, что к мистическим методам Байсюэ добавились и вполне традиционные — травяные отвары и иглоукалывание. Не зря старший ученик носил своё звание! Было ли вообще что-то, чего он не умел?

Как только ей разрешили вставать, девушка тут же воспользовалась этим, чтобы выбраться на улицу. Цзяньюй под каким-то нелепым предлогом увязался следом. Шутил, как обычно, но стоило ей замедлить шаг — и в его взгляде сразу проступало беспокойство.

— Да не волнуйся ты так! Если бы это было опасно, меня бы из комнаты не выпустили! К тому же старший сказал, что мы завтра отправимся в путь. Значит, я почти здорова!

— Никто и не волнуется, — отозвался он невозмутимо. — Я просто вышел воздухом подышать. Кто же знал, что мы случайно встретимся!

Яохань не удержалась и хихикнула, прикрыв рот ладонью. Вид у Цзяньюя был такой серьёзный, словно он и сам верил тому, что говорил.

— Ах, какое удивительное совпадение, — протянула она.

— Какая редкая удача — повстречать тебя именно здесь!

Девушка легко развернулась и побежала к воротам. У самого выхода обернулась и помахала рукой:

— Давай сходим за сладостями! Пока снова дождь не пошёл!

И, не дожидаясь ответа, выскользнула наружу. Цзяньюй только вздохнул и направился следом.

Узкая улочка, ведущая от ворот постоялого двора, уже через пару сотен шагов превращалась в пёструю и шумную реку из людей. Яохань даже стало немного не по себе. Она замедлила шаг, держась поближе к Цзяньюю, чтобы случайно ни на кого не налететь. В плотной толпе у неё закружилась голова.

Впрочем, далеко идти и не пришлось.

— Шёлк из Сучжоу, настоящий! Подходи, красавица, посмотри!

— Лепёшки! Горячие лепёшки!

— Амулеты от злых духов! Недорого!

Яохань ненадолго задержалась у лотка с безделушками. Молодая торговка, не старше её самой, тут же подалась вперёд и затараторила заученные фразы про резные шпильки и шёлковые ленты.

Заклинательница спешно извинилась и пошла дальше. Цзяньюй только скользнул взглядом по товарам и сразу поспешил за ней.

А вот чуть дальше начинались ряды с уличной едой. Аро-

маты от них долетали, наверное, до самого постоялого двора! На больших противнях шипели лепёшки, рядом в огромном чане кипел бульон. Чуть дальше по улице виднелся прилавок с блестящими бусинами засахаренного боярышника.

Яохань остановилась посреди дороги, не зная, на что смотреть в первую очередь. Запахи смешивались, голоса торговцев накладывались друг на друга. А свежие горячие булочки на пару так и манили к себе.

— Лапша-а-а! — кто-то крикнул прямо над ухом. — Вон там, на углу! Проходите, места есть!

— Ох… — выдохнула она и, обернувшись к Цзяньюю, посмотрела на него широко распахнутыми глазами. Это всегда работало безотказно. А ещё у него смешно розовели кончики ушей, когда она так делала.

Цзяньюй только кивнул и целеустремлённо двинулся к прилавку с баоцзы, ловко протискиваясь между прохожими. Там, над огромными бамбуковыми пароварками, поднимались густые клубы пара, и каждый раз, когда хозяин снимал крышку, оттуда вырывалось пушистое белое облако.

Яохань тихонько улыбнулась и, пока он расплачивался, отступила в сторону, чтобы не мешать. Вокруг мелькали лица, лица, лица: торговцы, прохожие, дети, взрослые — сплошной поток, в котором глаз ни на чём особенно не задерживался.

И вдруг — словно холодной водой окатило.

Она замерла, ещё не понимая, что именно привлекло вни-

мание. В просвете между чужими плечами, всего на одно короткое мгновение, мелькнуло знакомое лицо.

Этого не могло быть. Этого человека просто не должно было здесь быть. Яохань моргнула — но чужие спины уже сомкнулись, загородив обзор, а когда толпа снова расступилась, в том месте никого не оказалось.

Может, померещилось?

— Яохань? — голос Цзяньюя раздался совсем рядом. — Ты чего? Увидела что-то?

Она медленно обернулась.

— Помнишь того мужчину с татуировкой?

Цзяньюй прищурился, быстро обвёл глазами улицу, но ничего подозрительного не заметил.

— Чжана? Чьё тело мы нашли в коридоре?

— Я только что его видела.

— Да быть не может, — он качнул головой. — Мы же сами осмотрели тело, а потом сожгли. Наверняка просто кто-то похожий.

— Да… наверное, — Яохань неуверенно кивнула. — Я слишком долго просидела взаперти, вот и мерещится всякое.

Она заставила себя улыбнуться и протянула раскрытую ладонь:

— Ну, где моя булочка?

Цзяньюй усмехнулся и протянул ей тёплый свёрток. Яохань впилась зубами в нежное тесто. Горячо! Но это было именно то, чего хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.